А. БИДБЕЙ.

I

О РЕВОЛЮЦІИ

и

О КАЗАРМЕННЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЯХЪ ГОСПОДЪ

ТУПОРЫЛОВЫХЪ

„Ты хочешь играть на мнѣ, ты хочешь проникнуть въ тайны моего сердца, ты хочешь испытать меня отъ нисшей до высочайшей ноты. Вотъ въ этомъ маленькомъ инструментѣ много гармоній, прекрасный голосъ — и ты не можешь заставить говорить его. Чортъ возьми, думаешь ли ты, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Назови меня какимъ угодно инструментомъ—ты можешь меня разстроить, но не играть на мнѣ“.

Революція, глаголющая устами Гамлетовъ.

„Труфальдино смѣялся, Смеральдино плакала, наконецъ явился Панталоне и соединилъ ихъ руки. Публика зааплодировала и весело отправилась по домамъ. Вся эта игра не стоила ни капли крови, но эта была только игра“.

Гейне о „революціи“ Тупорыловыхъ.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
224622

НИКОЛАЮ МОРОЗОВУ

и всѣмъ героямъ

НАРОДНОЙ ВОЛИ,

великимъ революціонерамъ

БАКУНИНУ, НЕЧАЕВУ и БЛАНКИ,

безсмертному ЛУККЕНИ

и мстителямъ:

РАВАШОЛЮ, КАЗЕРІО,

АНРИ, АНЖІОЛИЛО

и БРЕШИ

эту книгу

посвящаетъ

авторъ.

„Безумный?!... Да, умамъ ребячески-пугливымъ
И мелочнымъ сердцамъ его не оцѣнить:
Какъ свѣтъ исчадьямъ тьмы, онъ страшенъ всѣмъ счастливымъ,
Всѣмъ дѣтски-вѣрящимъ и рвущимся любить.„
Онъ ихъ покой смутилъ безжалостнымъ сомнѣньемъ,
Открылъ имъ тайный ядъ въ дыханіи цвѣтовъ.
И бросилъ, не страшась, насмѣшкой и презрѣньемъ
И въ нихъ, объятыхъ сномъ, и въ мертвыхъ ихъ боговъ!..“

.... въ ученомъ караванъ-сараѣ Берлина верблюды собираются вокругъ колодца Гегелевой премудрости, становятся на колѣна, навьючиваются драгоцѣнными мѣхами и пускаются въ дальнѣйшій путь по бранденбургскимъ песчанымъ степямъ.

Гейне, т. I.

Въ военное время, когда мысль перестаетъ удовлетворяться построеніемъ программъ и всевозможныхъ схемъ, по которымъ, будто, пойдетъ развитіе той или другой страны и когда, наоборотъ, самой жизнью выдвигается своя собственная логика, — рѣшимость, отвага, желаніе вкусить отъ запретнаго плода непосредственной борьбы получаютъ особое значеніе и находятъ своихъ защитниковъ въ рядахъ выступающей арміи борцовъ. Всякій, хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, который не желаетъ поставить свое самоувѣренное доктринерство выше интересовъ революціоннаго дѣла, рано или поздно, но обязательно приходитъ къ убѣжденію, что никакая теорія не можетъ быть не только абсолютной, но даже относительной цѣнности экстрактомъ внутренней логики жизни.... Таковъ моментъ, переживаемый Россіей.

Очень много было говорено объ особенной прелести цѣльной, удачно скомбинированной программы. Очень много сарказмовъ было пущено въ сосѣдній лагерь по поводу той или иной программной детали, всякій пустякъ занималъ человѣка, имѣвшаго склонность думать, что можно свыше диктовать жизни свою логику, укрѣплялъ его еще больше въ его готовности сокрушать все, что не гармонировало бы съ его вкусами, съ его манерой пробираться въ дремучемъ лѣсу жизнепониманія. И въ тоже самое время очень мало считались съ тѣмъ, что логика жизни, вся эта совокупность безчисленнаго множества фактовъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, совершенно не церемонится съ логикой отдѣльныхъ лицъ и партій, а развивается на почвѣ, какъ бы сказать, нагляднаго учета самыхъ различныхъ теченій, компенсирующихъ другъ друга далеко не такъ просто и понятно, какъ казалось любому теоретику. Но, самое главное, не обращалось вниманія на то, что, приступивъ къ практической дѣятельности съ уже разработанной теоріей, вамъ придется съ первыхъ же шаговъ дѣлать обязательныя отклоненія въ сторону отъ нея, вашей красивой теоріи. Извѣстные факты, которые въ кабинетѣ ученаго

поддавались всякаго рода анализу, урѣзыванію, общипыванію, въ жизни уже являются господами положенія, развиваются, посмѣиваясь надъ вашими схемами и готовыми формулами и, наоборотъ, сами начинаютъ тѣснить васъ, давая чувствовать, что вы въ тискахъ могущественной жизненной логики. Вы убѣждаетесь тогда, что жизнь говоритъ на своемъ особомъ языкѣ строитъ свои умозаключенія, очень и очень часто непонятныя для насъ. Первое же подобное умозаключеніе, являющееся въ результатѣ извѣстной комбинаціи жизненныхъ условій, поражаетъ васъ своей неожиданностью. Вы сознаете тогда, что невозможно дать напередъ не только подробный, но даже болѣе или менѣе приблизительный очеркъ нашего поступательнаго движенія, разсказать все, что сбудется съ нами, дать нѣчто самодовлѣющее, вѣчное въ смыслѣ указанія одного или нѣсколькихъ абсолютныхъ пріемовъ, отъ которыхъ намъ ждать спасенія, дисциплинировать нападающую армію борцовъ въ столь быстро мѣняющейся обстановкѣ, централизировать революцію, сдѣлать ее послушной рабой прихотей и капризовъ „вождей“ движенія. Наши, напримѣръ, великіе интриганы съ маленькой душой по прежнему продолжаютъ утверждать, что жизнь есть маринованный плодъ соціалдемократическаго мышленія.

Жалкіе люди! Когда жизнь развернется полностью, какъ то бываетъ всегда въ моменты революціоннаго оживленія, вы убѣдитесь, что она — непочатая область поразительныхъ капризовъ, ошеломляющихъ насъ своими неожиданностями. Сухіе, безжизненные теоретики, вы поймете, что трудно представить всѣ неправильности зигзагообразнаго шествія историческаго развитія, что трудно фиксировать въ дырявой памяти недоношеннаго марксенка всѣ тѣ восхитительные небольшіе нюансы и яркіе отблески, которыми такъ сверкаетъ человѣческая жизнь.

Жизнь есть многообразіе, жизнь есть міръ капризовъ, жизнь есть эдемъ энергіи и, въ качествѣ такового, она безжалостно разрубаетъ гордіевы узлы, огорчая очень усердно распутывавшихъ ихъ легкомысленныхъ теоретиковъ и, какъ злой, ехидный карликъ, заливается возмутительно наглымъ смѣхомъ, когда вы добираетесь въ архитектоническомъ благоусердіи до верховъ вашей ребяческой теоріи.

Революціонныя ничтожества! Оставайтесь такими, если думаете весь вѣкъ коптѣть надъ нѣмецкими фоліантами, выпытывая у боговъ вашей теоріи великія истины, чтобы тѣмъ убѣдительнѣе доказывать полное отсутствіе въ своей головѣ чего-либо оригинальнаго или самостоятельнаго.

Партіи или отдѣльныя лица, претендующія на *абсолютно-вѣрное пониманіе* законовъ исторіи, должны на себя смотрѣть, какъ на помазанниковъ божіихъ непогрѣшимыхъ, неотвѣтственныхъ въ безпредѣльномъ царствѣ безконечной болтовни. Каждая подобная партія должна съ презрѣніемъ и негодованіемъ относиться къ чужой схоластикѣ, къ схоластикѣ другихъ, ей же подобныхъ, созданій, ибо непогрѣшимость, неотвѣтственность (и только для нея) заключается въ мусульманскомъ пониманіи высшей теоретической святости: „Нѣтъ бога, кромѣ бога, — и (я) Магометъ — пророкъ его.“ *Дѣлатели* историческихъ законовъ должны воображать, что именно къ нимъ, а не къ другимъ, жизнь обязана обращать свои умоляющіе взоры во всѣхъ затруднительныхъ и даже незатруднительныхъ случаяхъ, обѣщая вплоть до соціальнаго перерожденія человѣчества неизмѣнно санкціонировать все, что ни выйдетъ изъ подъ пера корифеевъ „научнаго“ и ненаучнаго соціализма.

Зазнавшіеся теоретики не понимаютъ что богатая деталями, вѣчно движущаяся жизнь любитъ выдѣлывать очень странныя вещи со своими любимчиками, дѣлаетъ сегодня первыми вчерашнихъ послѣднихъ, постоянно вовлекаетъ въ борьбу новыхъ дѣятелей и ободряетъ тѣхъ, о которыхъ никто раньше не могъ говорить безъ усмѣшки.

То, что въ моменты революціоннаго затишья жизнь дозволяла самоувѣреннымъ теоретикамъ примѣривать къ ней тяжеловѣсные костюмы, не имѣя, очевидно, охоты и нужды протестовать противъ явнаго, всѣмъ въ глаза бросающагося, до комизма нелѣпаго нахальства, давало алчущимъ почестей возможность утверждать, что они, и только они, открыли вѣрный путь человѣчеству, овладѣли сутью исторіи, и что послѣдняя еще долго, долго будетъ итти такъ, какъ говорилъ „нашъ дорогой учитель“.

Когда, при сравнительно спокойномъ теченіи жизни, при относительномъ индифферентизмѣ массъ къ борьбѣ, вамъ удается сорганизовать борющуюся армію, раньше другихъ возвѣщающую міру о началѣ всеобщаго обновленія, вы безсознательно приходите къ мысли, что взбудораженные общественные и народные элементы, ослѣпленные теперешнимъ вашимъ сіяніемъ во всеобщей пустынѣ молчанія, по мѣрѣ того, какъ будетъ развиваться борьба, будутъ входить, какъ сочлены, въ вашу армію и подъ вашимъ руководствомъ двинутся на бой съ врагами. Вы для душевнаго спокойствія начинаете игнорировать тотъ фактъ, что всѣ эти элементы пойдутъ по своей дорогѣ, слушаясь, быть можетъ, другихъ, вырабатывая собственную программу дѣйствій и слагаясь въ другія боевыя единицы. Вамъ не хочется, вамъ

больно признать, чтобы та самая страна, пробужденію которой, какъ вамъ кажется, вы такъ много содѣйствовали, объятая пожаромъ борьбы, развивъ всѣ свои сознательныя и несознательныя силы, могла забыть объ единой когда то, плѣнявшей весь міръ партіи сражавшихся.

Но помните, что жизнь представитъ въ моментъ революціи примѣры отваги и смѣлости, передъ которыми ничто всѣ „подвиги“ вашихъ бумажныхъ комитетовъ, что народныя массы, выйдя на улицы, растворятъ васъ въ себѣ; что народятся новые интересы и возникнутъ такія партійныя комбинаціи, творцами которыхъ вы не могли быть уже потому, что не могли ихъ себѣ даже представить.

При заревѣ все растущаго революціоннаго пожара, во всеобщемъ хаосѣ разрушенія ваши громы и молніи будутъ казаться дѣтскимъ лепетомъ. Когда то грозные для вашей же клики ученыхъ, когда то бывшіе центрами всеобщаго вниманія, вы становитесь одними изъ малыхъ сихъ, и, можетъ быть, ваши вчерашніе ученики, на которыхъ вы никогда не расчитывали, подъ вліяніемъ наступившаго оживленія будутъ глаголомъ жечь сердца людей.

И имъ, не вамъ, достанутся лавры; имъ, не вамъ, будетъ устроенъ толпой тріумфъ, ибо ихъ красивые жесты болѣе нравились ей, ибо смѣлость героя была звонкой пощечиной, которую получили всѣ блаженные, безъ конца предававшіеся своему ученому словоблудству, ибо она раскрыла толпѣ все ничтожество и всю пустоту обитателей царства Лапуту.

Помните, что жизнь не можетъ все время возиться съ однимъ лицемъ или съ одной партіей, особенно когда съ наступленіемъ революціи появляется такая масса интересныхъ лицъ и группъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что съ тѣхъ поръ, когда вы еще малымъ дитятей прочли у Иловайскаго, что какой-то странный афинянинъ хотѣлъ изгнать честнаго Аристида изъ славной Аттики только потому, что ему надоѣло все время слышать о немъ, вы вмѣстѣ съ почтеннымъ русскимъ историкомъ усвоили ту мысль, что подобныя вещи могли твориться только въ странѣ безтолковыхъ афинянъ и что въ исторіи другихъ народовъ нѣтъ примѣровъ, которые доказывали-бы, что ей надоѣдаетъ все время говорить объ одномъ и томъ-же лицѣ или объ одной и той-же партіи, будь они даже наиинтереснѣйшіе въ своемъ родѣ. Въ такомъ случаѣ вы не поняли, господа, исторіи.

Думая такимъ образомъ, что жизнь можно охватить своей логикой, объять, какъ говорилъ Прутковъ, необъятное и что данная признаваемая моей партіей, теорія есть именно та, которая дол-

жна дать безупречные отвѣты на всѣ волнующіе міръ вопросы и быть безконечно долго предметомъ всеобщаго вниманія, я, понятно, въ качествѣ непреклоннаго теоретика, долженъ въ томъ-же абсолютномъ духѣ разрѣшать и вопросы организаціоннаго характера, даже если-бы мною руководили не какія-нибудь постороннія, не совсѣмъ красивыя соображенія, а одно желаніе быть логичнымъ до конца въ моемъ, схоластическомъ, смыслѣ. Организація, имѣющая цѣлью помочь наступленію соціалдемократической Валгаллы, должна быть проводникомъ въ жизнь тѣхъ началъ, на которыхъ, какъ на китахъ, держится вся нынѣшняя нѣмецкая схоластика, и, такъ какъ безупречная теорія марксистовъ имѣетъ претензію считаться вполнѣ охватывающей жизнь, то сама организація, вся эта всероссійская соціалдемократическая партія, должна имѣть, въ свою очередь, претензію быть способной, устранивъ всѣ убійственныя для догматиковъ жизненныя подробности, усиливать или ослаблять темпъ историческаго развитія Россіи, претензію быть единственно возможнымъ регуляторомъ его.

Предполагается, что жизнь покорнымъ эхо будетъ отвѣчать на едва слышные раскаты соціалдемократическихъ громовъ, что искуственныя организаціи объединятъ всѣ историческія силы, свяжутъ ихъ между собою неразрывными узами и, обновивъ міръ на началахъ соблазнительно-совершенной дисциплины, ровными, стройными шеренгами поведутъ борцовъ на всѣхъ блюстителей завѣтовъ вѣкового деспотизма. Выступаетъ первая колонна, за нею вторая, третья и т. д. Боги сидятъ на облакахъ и дѣтски-радостно наблюдаютъ размѣренный маршъ революціонныхъ отрядовъ. Милые херувимчики на небесахъ исписываютъ книги судебъ и пророчатъ міру достиженіе такого совершенства въ отношеніи революціонной субординаціи, что, навѣрное, многіе юнкера, разные фельдфебеля и всякаго рода камеръ-лакеи съ радостью покинутъ свои казармы, дабы вступить въ завѣтные чертоги соціалдемократической тишины и спокойствія.... dahin, dahin, въ царство живыхъ тѣней, въ будущій универсальный пансіонъ, подъ опеку всезнающей центральной власти! Вотъ, куда прійдемъ мы, если будемъ столь благоразумны, что забудемъ наше многообразное „я“ и продадимъ свою душу первому встрѣчному, волею судебъ стоящему на вершинѣ революціонной организаціи. „Только моя партія имѣетъ право на существованіе, только моя организація можетъ разрѣшить историческіе вопросы“, — таковъ смыслъ всѣхъ доводовъ, приводимыхъ въ свою пользу разными „организаторами“, разными Иванами Калита, правдой и кривдой собирающими революціонную Русь; причемъ, понятно, до болѣе частнаго рѣшенія вопроса, какой именно организаціи спасать ее, прини-

мается за доказанное, что революція дѣлается, вообще, только организаціями и только черезъ организаціи. Поэтому надо работать, работать безъ устали, не для того, чтобы разливать вокругъ революціонный ядъ, революціонную ненависть, нѣтъ! — надо тратить время и силы на поддерживаніе фиктивныхъ, безполезныхъ комитетовъ, устраивать теоретически лишь связи между существующими только на бумагѣ союзами.

Содержаніе отступаетъ на задній планъ передъ схемами, революціонное дѣло передъ комитетостроительствомъ. И разъ вся эта скучная, утомительная работа есть альфа и омега нашего освободительнаго движенія, то, понятно, что послѣ такъ-называемой „политической“ революціи, когда русскіе марксисты станутъ работать для „соціалистической“, пришлось-бы вновь начать всю работу организаціоннаго строительства, если-бы пресловутая „политическая“ революція, какъ всякая революція вообще, имѣла привычку рвать революціонныя паутинки.

Нѣтъ, этого быть не можетъ! Мы пронесемъ организаціи неискалеченными черезъ революціонныя бури, мы будемъ имѣть, въ этомъ отношеніи, въ наличности кое-что даже послѣ всеуничтожающихъ бурь, и соціалдемократическая пирамида іерархически-связанныхъ комитетовъ, не считаясь съ соціальными грозами, еще болѣе разовьется вширь, послѣ даже самой сильной ломки существующаго порядка. Нѣтъ, наша организація не только переживетъ всякую бурю, она даже сумѣетъ направлять ее по своему желанію и изъ все-диктующаго центра руководить революціей! Таково пониманіе марксятами разныхъ толковъ и балансирующими между двумя стульями революціонерами съ легкимъ оттѣнкомъ терроризма — задачъ организаторовъ. Здѣсь тоже самое обычное игнорированіе жизни!

Принимая во вниманіе своеобразность, капризность послѣдней, думать все-таки, что необходимо усиленіе нашей партіи для того, чтобы руководить движеніемъ, подвергать дѣйствію революціоннаго пожара тѣ или другія части стараго зданія,—это, значитъ, обречь себя на изолированность, полагая, что держишь жизнь въ рукахъ, на самомъ дѣлѣ, лишь витать въ царствѣ восхищающихъ только ничтожествъ организаціонно-комитетскихъ отношеній,—это, значитъ, отречься отъ сатаны жизни, чтобы удовлетворить своему маленькому самолюбію — видѣть себя теперь на высотѣ революціонной пирамиды, которая своимъ основаніемъ опиралась-бы на покорныя массы. Смѣшно думать, чтобы тѣ маленькія паутинки, которыя вы ткете вотъ ужъ столько лѣтъ, чтобы онѣ могли играть какую-нибудь иную роль, какъ не проводниковъ боевой энергіи къ массамъ, и то — до начала революціи.

Неосновательно полагать, что старый богатырь, котораго лилипуты революціи могли опутать тоненькими веревочками, когда онъ еще спалъ, будетъ, проснувшись, признавать какія-бы то ни было приличія въ духѣ сентиментальнаго Гулливера. Ему будетъ достаточно разинуть зіяющую вѣковой злобой и ненавистью къ жадной сворѣ богачей и кулаковъ пасть, и подъ тлетворнымъ дыханіемъ его оборвутся, сомнутся всѣ ваши паутинки и организаціи. Вся ваша забавная работа организаціоннаго строительства, въ видахъ облегченія ея потомству, которое, какъ вамъ поэтому кажется, унаслѣдуетъ отъ васъ болѣе или менѣе сформированную армію,—и это не взирая на революцію, пожирающую и ваши, и правительственныя силы, очень похожа на то, какъ если-бы вы въ районѣ пожара, параллельно съ уничтоженіемъ старыхъ построекъ, на каждомъ освободившемся мѣстѣ, подверженномъ тѣмъ не менѣе дѣйствію могучей стихіи, захотѣли-бы воздвигать стѣны новому зданію. Обожжетесь! Ничего не сдѣлаете путнаго!

Наоборотъ, масса усилій, которую вы потратили, масса энергіи, которую вы израсходовали для того, чтобы создавать организаціи больше, чѣмъ того требовала ближайшая революція, будетъ напрасной тратой вашихъ силъ. Организаціи не могутъ быть регуляторами историческаго потока, онѣ не могутъ руководить революціей, ибо намъ теперь трудно понять, предвидѣть потребности и задачи, которыя народятся въ разгарѣ ея. Организаціи не останутся въ цѣлости послѣ первой хорошей исторической свалки. Революція оборветъ всѣ ваши слабыя паутинки, всѣ ваши медленно растущія, чинно-стройныя организаціи.— Поэтому провести послѣднія черезъ все пепскалѣченными, неопустошенными можно только тогда, когда вы не входите въ районы революціоннаго пожара, выѣзжаете изъ Россіи и возвращаетесь домой только тогда, когда „земля уже освѣжилась и буря промчалась".

Организаціи поэтому могутъ существовать только до ближайшей революціи и должны быть расчитаны только для ея цѣлей. Ясно поэтому, что, поскольку мы говоримъ объ организаціонной работѣ, нашей конечной цѣлью можетъ быть лишь ближайшая революція, конечной въ томъ смыслѣ, что вся наша организаторская работа фактически можетъ послужить лишь для нея. Понятно, этимъ ничего еще не сказано о самомъ характерѣ и содержаніи грядущей революціи, или чего мы желаемъ и думаемъ достигнуть послѣ ожидаемаго переворота. Если бъ даже ближайшая революція обманула наши надежды, грядущее поколѣніе, открывая новую эпоху борьбы во имя хотя бы тѣхъ же идеаловъ, должно создавать новыя боевыя дружины, ибо, въ общемъ, не будутъ въ живыхъ дореволюціонныя организаціи. Не имѣя возмож-

ности руководить революціей, организація должна лишь вызывать ее; работать надъ организаціями наканунѣ ближайшихъ революцій для будущихъ поколѣній—безплодно и есть напрасная, преступная трата энергіи во вредъ самому революціонному дѣлу.

Кромѣ того, увлекшись созиданіемъ комитетовъ, увлекшись съѣздами и разъѣздами, можно такъ прозѣвать самую революцію, что не принять должнаго участія въ ней.

Для того, чтобы не сомнѣваться болѣе въ томъ, что исторія пройдетъ мимо вашей кропотливой организаціонной работы, вы должны имѣть только мужество открыто взглянуть на жизнь, понять ея дикую поэзію, уловить въ ея мелодичныхъ напѣвахъ бѣшенныя цыганскія ноты и понять, что революція, какъ эпоха высшаго проявленія демонической натуры людей, должна представить такое неуловимое цѣлое, на которое не могъ-бы накинуть свой партійный арканъ самый умѣлый, искусившійся во всѣхъ премудростяхъ комитетскаго строительства, организаторъ....

Бѣшенно, неудержимо, съ задоромъ молодого тигренка ринется революція на одряхлѣвшую въ тискахъ буржуазной Габсбургъ-Гогенцоллернскаго пошиба бюрократіи Россію. Широкимъ потокомъ хлынетъ она на неоплодотворенныя свѣтомъ познанія и свобо ы народныя нивы и, конечно, не для того, чтобы сдержать себя въ виду слабыхъ плотинъ, неискусно возведенныхъ той-же нѣмецкой бюрократіей въ мундирѣ ихъ родныхъ братьевъ — русскихъ соціалдемократовъ.

„Что такое революція?“ спрашиваетъ у своего генерала рабочій рядовой. Отвѣтомъ ему служитъ знаменитая теорія его ничтожества — самоувѣреннаго Пфуля, хотя-бы того-же Плеханова, пока не генерала, пока смиренно увѣряющаго насъ, что поднесенный ему въ качествѣ юбилейнаго подарка портфель никогда не будетъ портфелемъ министра. Если только имѣется въ виду произвести грубое соціальное кровопусканіе, если не предполагается колоть буржуазію лишь слаболющими пинцетиками, чтобы затѣмъ остановить лѣниво капающую кровь при благосклонномъ участіи чувствующей извѣстную слабость къ буржуазіи россійской соціалдемократической партіи, то необходимо разъ навсегда заявить, что не можетъ быть такого явленія въ революціонный моментъ, которое могло-бы удивить кого-бы то ни было, не можетъ быть такой черной неблагодарности со стороны „добраго, милаго, любящаго кесарей“ народа, которая могла бы отравить всю жизнь новоявленныхъ кесарей, „благородство“ которыхъ такъ же сомнительно, какъ и — любого азіатскаго деспота, получившаго его по боковой линіи, по постороннимъ соображеніямъ.

Революція и уставъ благочинія, революція и шведская гим-

настика ростовскихъ рабочихъ, это равномѣрное присѣданіе съ руками по швамъ на страхъ гарцующимъ, слишкомъ ужъ сентиментальнымъ казакамъ, — все это, неправда-ли, очень естественное сожительство вполнѣ уживающихся другъ съ другомъ явленій? Всѣ, очень неумѣло скрывающіе свою ненависть къ настоящимъ революціямъ, маленькіе шарлатаны отъ революціи приходятъ въ ужасъ, когда узнаютъ, что жизнь ужъ начинаетъ пѣть похоронную надъ безжизненными комитетами.

Между тѣмъ пришествіе антихриста представляется намъ сущимъ пустякомъ въ сравненіи съ грознымъ, торжественно-громовымъ надвиганіемъ революціоннаго періода. Всѣ элементы, которые спятъ непробуднымъ сномъ, отбиваясь отъ непрошенныхъ агитаторовъ съ маленькой душой, подобно усталымъ догамъ, лишь глухимъ, лѣнивымъ ворчаньемъ, набросятся, какъ только набатъ сгонитъ ихъ на кровавыя мѣста пожаровъ, съ такимъ звѣрствомъ на всѣхъ враговъ свободы, что волосы станутъ дыбомъ у самыхъ несентиментальныхъ созданій. Пусть даже грядущая революція будетъ, какъ вы того представляете, въ сто кратъ буржуазной, пусть, но развѣ она этимъ самымъ потеряетъ свой характеръ разнообразія. Это будетъ все таки великое шествіе по улицамъ, разрушеніе Бастилій, взрывы правительственныхъ зданій и казармъ, ограбленіе магазиновъ и домовъ. Это будетъ комбинація непредвидѣнныхъ пораженій и неожиданныхъ побѣдъ, хаосъ безпорядочнаго чередованія отступленій, поголовныхъ проваловъ, усмиреній и смѣняющихъ ихъ захватовъ городовъ и селъ въ свои руки. Крестьянскій людъ посягнетъ на мошну землевладѣльцевъ, богатыя латифундіи подвергнутся черному передѣлу; монастырскія ограды будутъ дѣйствительными границами поповскаго ханжества послѣ того, какъ окружающіе ихъ тучные луга и богатыя нивы станутъ радовать сердце русскаго поселянина—буржуа.

Сколько интересныхъ подробностей и веселаго разгула въ крестьянской расправѣ съ безжалостными міроѣдами разнаго калибра! Потравы, пожары, порубки... А захватъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, опустошеніе хлѣбныхъ амбаровъ и всевозможныхъ складовъ! А разныя процессіи, шествія, флаги, ракеты, походные марши революціонныхъ отрядовъ, торжественныя похороны павшихъ героевъ, народныя иллюминаціи, созывающіе горожанъ и жителей селъ звуки рожковъ, ночныя тревоги, возбуждающіе революціонный духъ крики женщинъ и дѣтей!

Далѣе, самыя подробности схватокъ: единоборство, баррикады, неожиданныя засады, позорныя бѣгства, рѣшительныя наступленія, смѣлыя вылазки, мѣтко-брошенныя бомбы, случайные взрывы пороховыхъ складовъ, ослѣпительное зарево пожаровъ въ цѣломъ

рядѣ сосѣднихъ кварталовъ. А собранія, громовыя рѣчи, дебаты въ залахъ представительныхъ палатъ, петиціи, адреса! Безконечныя интриги, оспариванія власти другъ у друга, вмѣшательство преторіанцевъ, нашествія голоднаго люда въ парламентъ, призывы къ спокойствію и тишинѣ со стороны благоразумныхъ либераловъ! Затѣмъ народное ополченіе, наборъ муниципальныхъ отрядовъ, партизанскихъ бандъ, выковываніе оружія, цѣлаго лѣса пикъ, общественныя мастерскія динамита, ограбленія оружейныхъ складовъ и пороховыхъ погребовъ—и всѣпрочія перегистрируемыя, но многочисленныя мелочи народной мобилизаціи. И при этомъ всюду и вездѣ раздающіеся крики и предостереженія объ измѣнѣ. Огненный языкъ брошюръ, памфлетовъ, оживившейся прессы, весь этотъ безконечный выпускъ цѣлыхъ грудъ кровавыхъ прокламацій! Возстанія ратующихъ за старыхъ боговъ провинцій, русскихъ Ванден и Бретани, измѣны полководцевъ, придворные заговоры, поповская агитація, братаніе арміи съ народомъ и проч., и проч. Возрожденіе національнаго шовинистическаго духа и рядомъ окраиннаго сепаратизма, опять эти „Еще польска не сгинела“ и не заунывные уже, а жизнерадостные патріотическіе напѣвы золотой молодежи угрюмой Финляндіи, славной Украйны, исторической страны Арарата, пламенной Колхиды... Да хватитъ ли у кого-бы то ни было силъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, охарактеризовать какую бы то ни было серьезную революцію, направленіе и скорость теченія которой обыкновенно такъ же измѣнчивы, какъ и любой горной рѣки послѣ перваго таянія снѣговъ на гигантскихъ вершинахъ!

Но счастье для всѣхъ невинныхъ бородатыхъ мальчиковъ и наивныхъ институтокъ солиднаго возраста, даже усвоившихъ такую простую истину, что революція есть кое-что другое, нежели размѣренно мирное теченіе жизни въ четырехъ стѣнахъ закрытаго историческаго пансіона—буржуазной, полицейской Европы,—счастье для нихъ, даже прекрасно понявшихъ, что жизнь въ революціонный періодъ есть пестрая мозаика поразительныхъ явленій и уловившихъ, такимъ образомъ, хотя-бы этотъ элементъ разнообразія въ революціи, — если они не пошли дальше въ анализѣ послѣдней и знаютъ только казовую сторону ея.

Счастье для нихъ, если они, восхищенные театральностью и эффектностью событій, могутъ спокойно перелистывать страницы, съ біеніемъ сердца слѣдить за интереснымъ перипетіями народныхъ схватокъ и облегченно вздыхать, когда узнаютъ, что рушилась послѣдняя твердыня эксплуатаціи, не спрашивая при

этомъ себя, что означаютъ и о какихъ ужасныхъ сценахъ говорятъ столь стереотипныя фразы, какъ напримѣръ: „тогда отрядъ инсургентовъ разсѣялъ войска“, или „крѣпость была взята, благодаря тому, что народное ожесточеніе противъ войскъ достигло высшихъ размѣровъ въ виду возмутительнаго цинизма, который позволяли себѣ солдаты по отношенію къ населенію“, или „партія якобинцевъ побѣдила своихъ противниковъ, сторонниковъ федерализма, и этимъ обезпечила себѣ возможность безраздѣльно царствовать надъ умами“... Да, счастье для нихъ! И я лично не сталъ-бы нарушать душевнаго спокойствія этихъ милыхъ ребятъ, любящихъ разсматривать хорошія книги съ красивыми иллюстраціями. Кого не умилитъ простота нравовъ столь невинныхъ созданій?

Но что сказать о тѣхъ, уже окрѣпшихъ умомъ и тѣломъ, господахъ, которые, тѣмъ не менѣе, еще смотрятъ на жизнь съ точки зрѣнія вѣчно толкующихъ о приличіяхъ старыхъ дѣвъ? Что сказать о тѣхъ мѣдныхъ лбахъ, которые забываютъ о всѣхъ ужасахъ, выплачиваемыхъ исторіей, какъ дань, духу злодѣйства и кровожадныхъ инстинктовъ,—Вельзевуллу, этому истинному вождю всѣхъ, кого не пугаютъ пурпуръ кровавыхъ потоковъ и черноватогрязныя подозрительныя пятна на лезвіяхъ послушныхъ кинжаловъ? Съ ними случится истерика, если въ ихъ присутствіи сказать, что организація должна, главнымъ образомъ, разжигать революціонныя страсти массъ.

Имъ не нравятся подобныя выраженія? Такъ пусть докажутъ намъ, что возставшія массы представятъ хоть какое бы то ни было подобіе этихъ благовоспитанныхъ институтокъ, подъ руководствомъ классныхъ дамъ шествующихъ въ урочные часы къ боженькѣ? Пусть докажутъ они, что революціонный театръ не будетъ ареной, гдѣ констатируемыя въ мирное время покорность и смиреніе смѣнятся такими проявленіями ненависти, злобы, надежды и отчаянія, на которыя не былъ-бы способенъ самъ адъ.

Комики! Они и до сихъ поръ съ легкой руки соціалдемократовъ, служащихъ въ полицейскомъ участкѣ, продолжаютъ вѣрить мощному слову городового, укрощающаго народную стихію и обѣщающаго въ будущемъ, въ моментъ революціи, сдержать дикіе инстинкты народныхъ массъ. На самомъ же дѣлѣ, разверните страницы исторіи — и что прочтете вы тамъ? Какого рода картины предстанутъ предъ вами? Это — отравленные кинжалы, зазубрившіеся отъ частаго употребленія, съ полосками и пятнами сомнительнаго происхожденія, поломанныя сабли, ножи, крестьянскія рогатины и вилы, револьверы, солдатскіе штыки, ружья, зіяющія жерла пушекъ, гордыя, угрожающія уже не отдѣльнымъ

лицамъ, а цѣлымъ кварталамъ; это — слѣды запекшейся крови: на мостовыхъ улицъ, на стѣнахъ заборовъ и домовъ; струйки и цѣлыя лужи ея подъ какимъ нибудь деревомъ, въ глухомъ переулкѣ, въ спальняхъ ограбленныхъ домовъ; вамъ мерещатся все время отрубленныя руки и ноги, перерѣзанныя горла и пронзенныя насквозь тѣла, выдавленные мозги и внутренности, выколотые глаза, ожоги по всему тѣлу, синяки, ссадины, глубокія раны, обнаженныя кости, гніенія, язвы и проч. и проч.

Воображеніе, далѣе, рисуетъ вамъ веревки, фонари, сучья дубовъ, завязанныя назадъ руки, высунутые языки. Кругомъ говорятъ лишь о заживо-погребенныхъ подъ грудами разлагающихся труповъ, о судорогахъ, предсмертныхъ корчахъ, адскихъ мукахъ, человѣческомъ ревѣ, стонахъ и вздохахъ... Воздухъ зараженъ зловоніемъ неубранныхъ труповъ, всюду духота, смрадъ, стая коршуновъ и всякой хищной птицы. Опозориваніе женъ, дочерей и сестеръ, гнусный развратъ озвѣрѣвшихъ палачей — еще одна пикантная подробность революціонной исторіи. Больницы, безжалостныя операціи хирурговъ, перевязки, настоящій адъ изступленія, отчаянія и всевозможныхъ ужасовъ. И тутъ же рядомъ звѣрскія лица побѣдителей, ехидныя улыбки, ядовитыя насмѣшки, невыносимое глумленіе, пьянство до умопомраченія. Вы видите ночью, подъ прикрытіемъ глубокаго мрака, прокрадывается какой-то субъектъ и заноситъ свой кинжалъ въ грудь шедшаго къ возлюбленной шалопая... Вы видите поголовную рѣзню послѣ отчаяннаго сраженія, — это революціонное „vae victis!“ Вы созерцаете Марата въ его ужасномъ сентябрьскомъ настроеніи; всѣ безобразія, творимыя коммиссарами конвента въ возставшихъ провинціяхъ; вы являетесь свидѣтелями настоящей охоты на господъ помѣщиковъ и столповъ отечества, убѣгающихъ отъ народной мести.

А дальше — задушенія, разстрѣлы, топленія, ссылки, одиночныя заключенія подъ семью замками, пытки и всѣ прелести тюремной жизни... Сколько измѣнъ со всѣхъ сторонъ, ненависти, коварства, яда, лицемѣрія, честолюбія удовлетвореннаго и неудовлетвореннаго, разочарованія и проч.

Представьте себѣ теперь революцію въ Россіи, возстаніе 130-милліоннаго народа. Какъ вы думаете, меньше-ли ужасовъ и звѣрствъ зарегистрируютъ добросовѣстные русскіе лѣтописцы, чѣмъ всѣ современники дѣйствительно-великой французской революціи?

Всѣмъ предыдущимъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую противъ представленія о революціи, какъ о доброй, ласковой, очаровательной красавицѣ, дочери какого-нибудь царя Берендѣя въ свѣтлые, радостные дни встрѣчи съ ненагляднымъ женихомъ, Иваномъ-царевичемъ послѣ долгой, горькой разлуки, въ дни, когда такъ хочется безмѣрно любить всѣхъ... Я продолжаю настаивать на томъ, что атмосфера революціи есть атмосфера ужасовъ, что страна въ революціонное время — это сплошная арена кровавыхъ событій, это — земное чистилище для будущаго рая свободы и всеобщаго довольства.

Для того, чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, я попрошу васъ приглядѣться поближе къ тѣмъ генераламъ, которымъ вы съ такимъ смакомъ апплодируете, изучить ихъ нравы и рѣшить на основаніи этого изученія, не будутъ-ли они вольными или невольными виновниками того, что я излагалъ раньше!

Пріѣзжайте, господа Россіяне, заграницу, свяжитесь съ какой нибудь партіей—и вы будете имѣть удовольствіе знать, сколько гнусныхъ клеветъ, обвиненій въ шпіонствѣ, въ идіотизмѣ, легкомысленности по адресу даже „милыхъ, чудныхъ, прекрасныхъ во всѣхъ отношеніяхъ людей“ имѣетъ мѣсто только благодаря тому, что тотъ или иной „дорогой товарищъ“ принадлежитъ къ иного толка революціонерамъ!

О, если-бы вы знали мои русскіе читатели, какое озлобленіе, какое бѣшенство покрываетъ лица всѣхъ этихъ господъ, когда ораторъ изъ противнаго лагеря зажимаетъ на собраніяхъ ротъ ихъ первосвященникамъ! Вы посмотрите только, съ какой нескрываемой радостью говорятъ о чужихъ провалахъ, о чужой неконспиративности, представьте только, какъ велика ихъ злоба къ „не своимъ“, сколько мелочности, низости, страсти къ сплетнямъ, интригамъ у нихъ, изучите всѣ тѣ многочисленные пріемы, которые пускаются въ ходъ противъ незванныхъ, неизбранныхъ, прочтите „Искру“, „Революціонную Россію“, изданія Надеждина, полемическіе шедевры „Бунда“, наконецъ, не оставьте безъ вашего милостиваго вниманія и книжку вашего покорнаго слуги и, положа руку на сердце, скажите безъ обиняковъ: годимся-ли мы въ святые, столь-ли мы незлобивы, столь-ли мы кротки и нищи духомъ, чтобъ можно было увѣрять кого-бы то ни было, что сдержанные, разумные, мы не позволимъ никакимъ господамъ воздѣйствовать на дурные инстинкты массъ, что не дадимъ никакимъ страстямъ полонить насъ и что все кончится такъ хорошо, что не погибнетъ при этомъ ни одна земная тварь?

Если же всѣ эти хорошо-воспи[illegible] высокопросвѣщенные господа лишены вовсе христіанскаго всепрощенія и смиренія,

то что сказать намъ о всей массѣ менѣе, чѣмъ они, сознательныхъ, на которыхъ лежитъ черная работа—гарантировать аплодисменты Плеханову и К°, освистать дерзновенныхъ и требовать на собраніяхъ выбора еще наканунѣ заготовленнаго предсѣдателя?

Представьте себѣ, что вся эта шайка неискреннихъ, бездарныхъ бонапартиковъ, вся эта доблестная плеяда будущихъ актеровъ на парламентской сценѣ нахлынула-бы въ Россію и объясните, какимъ образомъ будутъ тогда пастись волки и овцы вмѣстѣ и какіе высокоморальные доводы будутъ сдерживать первыхъ отъ совершенія акта высшей справедливости, отъ съѣденія неосторожныхъ ягнятъ? Если и теперь въ до безобразія скучной Европѣ и при отсутствіи какихъ бы то ни было интересовъ заграничная публика, разные соціалдемократы и соціалисты-революціонеры, столь мало, впрочемъ, отличающіеся другъ отъ друга, умѣютъ превращать свои собранія въ настоящій майданъ, то что будутъ творить они въ Россіи въ революціонную эпоху, когда правая рука не знаетъ того, что творитъ лѣвая? Особенно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что когда новый міръ объявитъ войну деспотамъ, наше теперешнее кафе-ресторанное, никого незатрагивающее полемическое балагурство должно будетъ уступить мѣсто болѣе серьезнымъ историческимъ спорамъ. Или, можетъ быть, гарантіей того, что революція выйдетъ даже подъ вашимъ „руководствомъ“, чинная, „мирная“, могутъ служить специфически добрыя свойства русскаго человѣка: но нѣтъ такого агнца, который не былъ-бы когда нибудь въ волчьемъ настроеніи; міръ не знаетъ такого святого, который ни разу не взалкалъ-бы, ни разу не былъ-бы обуреваемъ человѣческими страстями. И можетъ-ли быть иначе? Развѣ всякому, какъ и вамъ, не настолько дороги его мнѣнія, чтобы онъ не сталъ съ пѣной у рта защищать ихъ, хотя-бы противъ всей вселенной, а въ пылу забвенія строчить грозныя филиппики даже противъ своихъ собратьевъ, часто лишь въ пустякахъ расходящихся съ нимъ?

Хорошо еще, если, опьяненный страстью къ полемикѣ, онъ не прибѣгнетъ къ чему-нибудь болѣе вѣскому, болѣе убѣдительному, чтобы яснѣе оттѣнить „наши разногласія“. Если даже геніи человѣчества, прирожденные астрологи исторіи — марксисты становятся очень развязными спорщиками, если только задѣть ихъ немножко, то что сказать о такой милой публикѣ, какъ свободнѣйшія созданія — босяки, ремесленники, одержимые пережитками цеховаго удальства, крестьяне, насаживающіе на свои вилы революцію, рабочіе всевозможныхъ слоевъ, кающаяся интеллигенція, чиновничество, армія и проч., и проч.?

Ничего, кромѣ того, что отъ ихъ звѣрствъ застонетъ мать сыра земля и что революція была и будетъ лишь хаосъ, опять хаосъ, хаосъ въ усиленной степени, лишь адъ, опять адъ, адъ въ усиленной степени, хаосъ и адъ, но только въ полицейскомъ смыслѣ.

Вести правильную осаду старой системы, когда борющаяся партія рѣшила облечься въ конспиративную броню, какъ то имѣетъ мѣсто у насъ — дѣло невозможное. Сколько труда надо потратить намъ, чтобы, пріѣхавъ въ опредѣленный пунктъ для революціонной пропаганды, напасть на вѣрный путь, завести правильныя связи и стать ловцами будущихъ революціонеровъ. Сколько знанія, умѣнія, опытности нужно, чтобы различать людей, избѣгнуть съ самаго начала непріятнаго присутствія агента тайной полиціи. Вся сумма этихъ необходимыхъ качествъ представляетъ, помимо историческихъ случайностей, такое обширное поле для ошибокъ вольныхъ и невольныхъ, что надо напередъ примириться съ мыслью тысячи и одной возможности частичныхъ или полныхъ проваловъ нашихъ грозныхъ организацій.

Не успѣли вы присмотрѣться къ новымъ людямъ, какъ уже попался сыщикъ и втесался въ кружокъ революціонеровъ. Онъ черезъ васъ „будитъ отъ сна“ мирныхъ обывателей уѣзда, знакомится съ послѣдними, очищаетъ уѣздъ отъ наиболѣе вреднаго, лишь благодаря вамъ ставшаго ему извѣстнымъ, революціоннаго элемента и, воспользовавшись нечаянно пророненнымъ вами словомъ, вашими знакомствами, можетъ быть, доберется и до другихъ городовъ и уѣздовъ великой Руси и надолго обезпечитъ правительству спокойствіе и тишину на всемъ пространствѣ ввѣренной сему ангелу хранителю области. Сколько возможныхъ арестовъ при самомъ началѣ такихъ предпріятій, какъ типографія, разныя мастерскія; сколько напрасныхъ подозрѣній на лицъ, снабдившихъ васъ конспиративными адресами и квартирами, прятавшихъ въ черныя минуты даже цѣлые тюки, часто и гроша не стоившихъ, безграмотныхъ книженокъ, безцвѣтныхъ прокламацій: всевѣдѣнію и всемогуществу его, таинственнаго незнакомца въ костюмѣ революціонера, нѣтъ границъ. И, обидно подшутивъ надъ нами, провокаторская рука укажетъ, во первыхъ, гдѣ наша братія зимуетъ, во вторыхъ, сколько дьявольскаго труда надо положить, чтобы, начавъ вновь работу, раздобыть хотя-бы половину тѣхъ связей, которыми мы когда-то владѣли!

Благодаря такимъ проваламъ, теряются не только связи, деньги, люди, трудъ, не только наносится ущербъ организаціонному дѣлу, но каждая хорошая чистка имѣетъ послѣдствіемъ то, что душа со страхомъ и трепетомъ начинаетъ величать царей земныхъ, уста — безропотно пѣть Осанну власть имѣющимъ, духъ

иниціативы покидаетъ работниковъ, и долго исторія революціонаго движенія говоритъ о медленныхъ шагахъ и робкихъ зигзагахъ. Но мало-ли другихъ возможностей для утери связи, для того, чтобы съ трудомъ выстроенное зданіе давало трещину каждую минуту. Массовые обыски и аресты, можетъ быть не имѣвшіе даже цѣлью словить вашу организацію, случайно попалась и щука, и мелкая рыбица и даже какая-то дрянь, и нѣтъ больше Агатона, грознаго сольвычегодскаго комитета; надолго ушелъ онъ отъ насъ, любившихъ и любящихъ его еще и теперь буржуазныхъ обывателей, старавшихся чужими руками загребать революціонный жаръ и почести, или просто даже не мечтавшихъ о томъ.

Одна какая-нибудь случайная, непредвидѣнная стычка рабочаго люда съ непобѣдимыми россами, съ молодцами-фанагорійцами еще наканунѣ революціи — и пити пропало! Рабочіе — высланы, главные зачинщики—наказаны, комитетъ—раскассированъ, — и опять нѣтъ нашего Агатона, до того нѣтъ, что только легкомысленный человѣкъ можетъ повѣрить серьезности заявленій и милостивыхъ манифестовъ по поводу рожденія новой крамолы тамъ, гдѣ лишены такой вѣры даже министръ внутреннихъ дѣлъ и департаментъ полиціи. Полевыя работы, несчастные случаи на заводахъ и фабрикахъ, семейныя обстоятельства, недоразумѣнія съ хозяевами, рекрутскій наборъ и масса новыхъ опытныхъ работниковъ ушло на родину, а нашъ Агатонъ лишился правой руки, съ комитетомъ случился апоплексическій ударъ и долго онъ, обезсмысленный, будетъ влачить жалкое существованіе, пока, наконецъ, какъ негодную ветошь, случайно прошедшій мимо сыщикъ не выброситъ вонъ и эти останки прошлаго величія?

Сколько разныхъ недоразумѣній изъ-за задѣтаго некстати, не во время, самолюбія даннаго субъекта, ревнующаго своего собрата къ революціи; сколько разныхъ возможностей проявленія слишкомъ большого полемическаго усердія и происходящихъ отъ этого расколовъ для того, чтобы самый жизнерадостный изъ всѣхъ Агатоновъ въ періодъ наибольшаго расцвѣта своихъ силъ имѣлъ въ виду, что и съ нимъ можетъ быть непріятная исторія и что онъ рано или поздно подвергнется партійному четвертованію; и, когда всѣ эти возможности вскрываются, когда Агатонъ начинаетъ получать отовсюду предостереженія и, понявъ всю фальшъ словъ своихъ прежнихъ сотоварищей, увѣрявшихъ, что любовь ихъ безгранична, тенденціозно восклицаетъ: „любовь — безумный звукъ, любви на свѣтѣ нѣтъ“, мы соглашаемся съ нимъ и говоримъ: да, нѣтъ никакого постоянства въ любви и преданности къ тому, что боготворилось еще вчера.

Сколько шатаній, переходовъ, измѣнъ, сколько „тушинскихъ перелетовъ“, отщѣпленій, объединеній и массы другихъ партійныхъ маневровъ, сколько междуфракціонныхъ битвъ, сколько новыхъ мѣстныхъ комбинацій.

И когда всѣ препятствія были преодолены, когда счастье было такъ близко, такъ возможно — нѣтъ его Агатона, царевококшайскаго комитета: однимъ почеркомъ пера уличный сыщикъ уничтожаетъ его. Онъ сегодня только что прослѣдилъ своего „рябчика“ до дверей конспиративнаго собранія и занесъ столь интересное открытіе въ свою книжку; вмѣстѣ съ тѣмъ, комитету смерть пришла. Мы здѣсь не касаемся подробностей болѣе рѣшающаго характера на судьбы хрупкихъ организацій, мы не говоримъ о прелести взаимоуничтоженія въ моментъ революціи, мы не говоримъ о всѣхъ тѣхъ возможныхъ случаяхъ, когда революція, какъ бы сказать, походя уничтожаетъ наши организаціи. Хорошая уличная свалка можетъ быть причиной гибели сотенъ „организованныхъ“. Я не намѣренъ перечислять всевозможныхъ подробностей собственно-революціоннаго періода, когда каждая мелочь чревата массой гибельныхъ послѣдствій.

Способности, энергія вождей, та или другая наличность силъ и средствъ, давность партійнаго преобладанія, хорошая законспирированность даютъ шансы на развитіе; случайная измѣна, небольшая ошибка, недостаточное знакомство съ силами непріятелей, провокація и проч. могутъ задержать его. Баррикады, динамитные взрывы, открытыя сраженія, взятія Бастилій, — все это требуетъ „пушечнаго мяса“: отважныхъ, энергичныхъ революціонеровъ. Старые уходятъ, молодые растутъ, мѣняютъ свой обликъ, и блаженной памяти министръ юстиціи, этотъ скальдъ Россіи вдохновенный, посмѣиваясь надъ вами, старательно завязывающими партійные узелки, напѣваетъ съ подобающей его превосходительству торжественностью:

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Науки, царства и царей.

Если столь могущественныя, столь грозныя созданія, какъ царства и цари, въ нѣсколько лѣтъ могутъ кануть въ Лету забвенія, то что сказать о васъ, хилыхъ и рахитичныхъ союзахъ и комитетахъ. Мускулистымъ боа изотретъ васъ могучая революція вокругъ широко-вѣтвистаго дерева свободы и, разинувъ страшную пасть, втянетъ васъ въ ненасытную утробу свою, не почувствовавъ даже ни малѣйшаго желанія забыться и заснуть подъ этимъ

ерёвомъ свободы, а, убѣгая впередъ своими причудливыми зигзагами, искать все новаго „пушечнаго мяса“, все новыхъ и новыхъ жертвъ.

Очевидно, что обманутые исторіей, глубокое молчаніе которой въ то время, какъ строились картонные домики, принималось, какъ знакъ согласія, какъ вѣчный обѣтъ не касаться въ опустошительномъ своемъ бѣгѣ этихъ промокшихъ отъ человѣческихъ слезъ, отъ мукъ, испытываемыхъ самими строителями домовъ; понятно, что ошеломленныя, не очухавшіяся невинности, угнетенныя, оскорбленныя въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ, должны воспрянуть къ тому восхитительному прошлому, когда ничто не мѣшало имъ предаваться ихъ историческимъ забавамъ: они должны отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ и послать проклятія демону разрушенія. Любителей, апологетовъ размѣреннаго шествія „сорганизованныхъ“, ихъ должны возмутить разные грѣшки въ маневрахъ революціонныхъ полковъ, ихъ должно удивить каждое бурное проявленіе неотесанной натуры не вполнѣ благочестивой братіи Вяземской Лавры, ибо кто можетъ знать, на кого замахнется этотъ странный субъектъ — уличный воришка, на отмѣнно сытаго буржуа или на зарапортовавшагося соціалдемократа? „Проклятый міръ!“ вопитъ обманутый педагогъ, воспитавшій революціонное дитя; озлобленный онъ сулитъ ему тысячу бѣдствій реакціи, пророчитъ ему голодъ, холодъ и муки въ тискахъ вновь расцвѣтшаго цезаризма. Всѣ эти господа очень напоминаютъ жалобами и причитаніями разныхъ ихтіозавровъ, всякихъ Орлеанскихъ, Бонапартовъ, Бурбоновъ, проливающихъ крокодиловы слезы по поводу того, какъ страдаетъ дорогая ихъ сердцу Франція отъ безправія и безначалія, желающихъ столь неискусными маневрами скрыть отъ восхищающейся красивыми бездѣлушками парижской толпы свои мало патріотическіе по послѣдствіямъ аппетиты.

„Малосознательный“! — кричитъ соціалдемократъ человѣку пустившему безъ разрѣшенія комитета камень въ голову градоначальника. „Наименѣе сознательные“! говоритъ онъ кочегарамъ раздувающимъ нефтяные пожары въ Баку. Ибо эта малосознательность есть очень злая иронія надъ составляющими точные проекты будущаго строя по законамъ давно познанной соціальной механики. Нѣтъ ничего страннаго, если соціалдемократъ запляшетъ, когда раздастся „весенній шумъ, зеленый шумъ“ и когда густые туманы разрѣшатся все уносящими революціонными ливнями. Да! нѣтъ другого исхода. Любишь кататься, люби и саночки возить. Любишь революцію, люби всѣ жестокія кровавыя детали историче-

скихъ событій, хватай самъ щипцы и, раскачивая ими старыя подпорки, опрокидывай ихъ въ самую гущу огня, бери штыкъ и тщательно отполируй его, чтобы онъ не остановился, пронзая одного за другимъ „друзей народа“, тщательно оберегающихъ послѣдній отъ всякаго соблазна.

Вы ненавидите, жалкіе трусы, пошлыя, мизерныя души, рокотъ подземныхъ потоковъ и свирѣпыя грозы; вамъ душно дышать, привыкшимъ къ нѣгѣ пуховиковъ, въ атмосферѣ раздирающихъ вашу душу стоновъ деспотической своры? И вы послѣ этого говорите о народѣ, о трудящейся массѣ и выводите на вашихъ международныхъ и національныхъ концертахъ веселыя ноты революціонныхъ напѣвовъ — тѣхъ напѣвовъ, въ которыхъ отзывчивые поэты хотѣли излить народную скорбь, его надежды на свѣтлое будущее, на энергичную ликвидацію, радикальную ломку стараго міра со всѣми его ужасами и радостями. Ваша хамская натура маленькихъ соціалдемократовъ не знаетъ покоя, чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ, разъ только констатируется упадокъ іерархической гармоніи, полное крушеніе партійной дисциплины. Вожди-же, чающіе мутной воды, возсылаютъ мольбы свои къ Всемогущему, да ниспошлетъ онъ миръ и благоволѣніе на землю и да избавитъ ее отъ злыхъ, кощунствующихъ надъ вѣковой святыней — вѣрноподданностью разноцвѣтнымъ властямъ — анархистовъ и всякихъ иныхъ „опасныхъ“ (и еще какъ!) дикарей революціонной среды. Да, революціей правятъ каторжники, бродяги, такъ называемые подонки общества, но не вы — воздыхатели о новомъ начальствѣ, пекущіеся о новыхъ цѣпяхъ и оковахъ.

Но не только люди, одаренные даромъ познаванія того, каковы должны быть тѣ моральныя саночки, въ которыхъ можно было-бы подкатить выбраннаго фабриканта соціалдемократа къ зданію національнаго собранія, которые основательно знаютъ исторію возникновенія Ватикана, тайну папскаго всемогущества, и все, что касается исторіи Бонапартизма вообще; не только они, но и многіе иные, люди съ чистой душой, безъ всякихъ замашекъ властвовать надъ другими, преисполненные любовью и состраданіемъ къ ближнему, придутъ въ ужасъ увидѣвъ, какъ бѣснуется исторія; они скроются, содрогаясь отъ сценъ, свидѣтелями которыхъ имъ пришлось быть, и изъ устъ ихъ, какъ и изъ устъ менѣе сентиментальныхъ созданій, вырвется грозный для дѣла прогресса крикъ: „нужна-ли вообще кровавая революція?“ Какъ будто бываетъ еще и другая.

Да! она нужна, безобразная, ненасытная человѣческой кровью, приходящая въ неистовый восторгъ отъ своихъ собственныхъ звѣрствъ, разражающаяся дикимъ гоготаньемъ, сильная изступле-

ніемъ фурій, красавица-революція, она нужна для того, чтобы съ корнемъ вырвать изъ нашей души все то, на чемъ лежитъ печать скучающаго Саваофа; ея разгулъ, раволюціонныя вакханаліи, неистовство и бѣшенство полновластно должны царить надъ умами для того, чтобы электризовать человѣческіе мозги и выжать изъ нихъ все, что говоритъ о прелести низкопоклонничества, вѣчнаго подлизыванія передъ авторитетами, передъ власть имѣющими, передъ коронованными и некоронованными истуканами. Смерть! смерть всѣмъ аристократамъ разнаго покроя, всѣмъ мѣщанамъ крупнаго и мелкаго калибра, смерть имъ безпощадная!

Работница, съ развѣвающимися волосами, съ адскимъ выраженіемъ въ глазахъ, съ сжатыми въ кулакъ руками; жизнерадостный, буйный, сатанинской натуры босякъ, выходящій на грабежъ съ цѣлой связкой отмычекъ; нахальный, обмазанный грязью нищеты, увидѣвшій свѣтъ въ сырой конуркѣ несчастнаго попрошайки, мальчуганъ, злой, наглый свистунъ, врагъ всякаго хорошо одѣтаго господина; крестьянинъ, размахивающій топоромъ во всѣ стороны; всѣ притоны, всѣ трущобы, всѣ ночлежные дома, всѣ дома терпимости во всеоружіи ненасытной ненависти, весь разгулявшійся глухой переулокъ, всѣ они, бѣсы и бѣсенята, будутъ стонать, кричать, сводить съ ума дворцы; отъ ихъ наглости задрожитъ вся вселенная, торжественнымъ, могущественнымъ ураганомъ пронесется весь этотъ людъ по всей Россіи, выкорчевывая отъ злобы каждое дерево, каждый кустикъ, гдѣ могъ бы пріютиться жалкій, подлый трусишка, — приверженецъ или полуприверженецъ отживающаго строя. Небо, исполосованное молніями, отъ которыхъ падаютъ въ обморокъ черезъ чуръ нѣжныя души; горы, издающія непонятный гулъ и воспринимающія могучіе раскаты соціальныхъ грозъ; безбрежныя моря, взволнованныя величественнымъ ураганомъ, свѣтлый рай и мрачный адъ, — все придетъ въ содроганье; всѣ крамольные элементы, вся голытьба сгруппируется вокругъ кровавыхъ потоковъ и будетъ издѣваться, ехидничать, плакать и метаться отъ радости, видя, какъ плаваютъ въ водахъ быстротекущаго потока головы, руки и ноги несчастныхъ, жалкихъ негодяевъ. Смерть всѣмъ эксплуататорамъ, смерть имъ реальная, смерть въ устахъ серьезно произносящаго это слово бродяги, а не въ устахъ болтливаго интеллигента, смерть имъ — ибо намъ незачѣмъ наряжаться въ шкуры безобидныхъ агнцевъ, чтобы гордиться своимъ великодушіемъ на радость нахальнымъ отъ народной доброты вампирамъ, насчетъ своихъ-же братьевъ, вновь попавшихъ въ цѣпкіе когти кровожадныхъ деспотовъ!

Смерть имъ, ибо незачѣмъ исторіи дѣлать наполовину тамъ, гдѣ можно шагнуть черезъ весь старый міръ со всѣми его по-

дробностями. Слезы и рыданья голоднаго люда, слезы, свидѣтелемъ которыхъ была исторія, до того сдѣлали угнетенныхъ равнодушными и къ своимъ, и къ чужимъ стонамъ, что, если понадобится, вертепъ не задумается надъ тѣмъ, чтобы раздробить черепъ красивѣйшей камеліи и самому отмѣнному изъ всѣхъ маменькиныхъ сынковъ! Смерть имъ потому, что бѣдняки долго сидѣли сложа руки и ждали милостей отъ васъ, но вы ихъ хотѣли усыпить речитативомъ вашихъ сказокъ о неисповѣдимыхъ велѣніяхъ Промысла, объ имманентныхъ законахъ и прочихъ измышленіяхъ сытыхъ, пузатыхъ буржуевъ и около нихъ увивающихся лакеевъ соціалдемократовъ. Революція! пурпуръ кровавыхъ потоковъ, багровый горизонтъ пожаровъ — вотъ что надобно, чего алчемъ мы — ибо только тогда

Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна.

Революція до опьяненія, вотъ что должно быть девизомъ каждаго *революціонера*.

Иногда надо доказывать то, что должно быть ясно само собой какъ всякая *тавтологія*. Люди до того поглупѣли, что многіе расчитываютъ быть революціонерами, не имѣя, тѣмъ не менѣе, ни малѣйшаго желанія побывать въ самомъ огнѣ революціи.

О, ничтожества! они хотятъ писать исторіи революцій на лужайкѣ, подъ столѣтними деревьями, у сладкотекущаго ручейка. Одной рукой они водятъ по папирусу, другой они поддерживаютъ пышную головку своей возлюбленной, при этомъ не удержатся, чтобы разъ-два не прильнуть къ мощной груди современной Медеи, и, когда, описавъ весь пафосъ парламентской болтовни, они переходятъ къ жестокой улицѣ, лукавый карапузикъ-купидонъ приходитъ на помощь, чтобы въ исторіи оказался изящный пробѣлъ. Оттого исторія революціи въ ихъ изложеніи выходитъ такая принаряженная, изящная, красивая.

Непримиримыми врагами революціи, воскуривающими фиміамъ тишинѣ и спокойствію въ ихъ полицейскомъ пониманіи, становятся тѣ умныя головы, которыя понимаютъ кровавую мощь народнаго дебоша и боятся его, или тѣ, которые хотя и не одарены серьезнымъ пониманіемъ вещей, но, вкусивъ отъ плода непосредственной борьбы, имѣли возможность созерцать революціонный народъ въ его разрушительной работѣ. Но, понятно, что самъ эксплуатируемый народъ, разъ только его богъ осѣнилъ благодатью и разъ онъ понялъ внутреннюю логику исторіи, значеніе революціи, какъ сокращающей время кровавыхъ родовъ и облег-

чающей ихъ, онъ не предастся соблазнительной Пирваннѣ молчанія съ одной лишь перспективой голодной смерти, онъ не измѣнитъ революціонному дѣлу и

Не отдастъ за блаженство покоя
Креста благодатныхъ страданій и слезъ,

пускай даже этотъ крестъ будетъ настолько тяжелъ, что его не въ силахъ будетъ нести никакой Галилеянинъ, одаренный неземной, божественной силой. Голодная братія прекрасно понимаетъ, что значитъ крушеніе стараго строя, она питаетъ себя надеждой зрѣть Стеньку-Разина, съ высокаго утеса направляющаго обоготворяющую его память массу на реакціонную Москву, она вперила свой взоръ туда на востокъ, но не въ Палестину, не въ Іерусалимъ, а въ теперешній Уральскъ — старый Яицкій городокъ и ждетъ, не дождется смѣлаго забіяки, который могъ бы вдохнуть въ нее злобу, жажду мести, который поднялъ бы бродячую Русь, попрошаекъ и все, что только есть безпокойнаго, неуживчиваго въ многострадальной Россіи.

Революція есть тотъ божественный огонь, который долго будетъ освѣщать краснымъ заревомъ торжественное шествіе народовъ къ свободѣ, къ свѣту. Скучные авторы соціальныхъ реформъ думаютъ, что по божьему соизволѣнію, по щучьему велѣнію и благодаря ихъ энергичной иниціативѣ, міръ разрѣшаетъ всѣ культурные вопросы, ставитъ себѣ ихъ, не боясь темныхъ силъ реакціи, и постепенно, какъ-бы безкровно, обновляя старый міръ, приводитъ человѣчество въ рай безбѣдной жизни и всеобщаго счастья. Ослѣпленные экзалтированностью трибуны, растаявшіе отъ горячихъ апплодисментовъ, они думаютъ, что парламентская борьба вполнѣ, или даже отчасти покрываетъ жестокую, безпощадную борьбу общественныхъ прогрессивныхъ элементовъ съ силами реакціи, борьбу, происходящую въ самыхъ нѣдрахъ этого общества. Они не понимаютъ, комики, что, занимая выгодныя историческія позиціи, реакція не уступитъ никогда, пока народный ропотъ не дойдетъ до нея, пророча ей массу бѣдствій, въ случаѣ, если только она не смирится духомъ, и, признавъ свою боязнь передъ возможностью очень грубой исторической полемики, она не выразитъ этой боязни въ видѣ благоразумнаго отступленія въ парламентахъ передъ грозными филиппиками безтолковыхъ крайнихъ лѣвыхъ.

Не зная, что особенно устрашило ловкихъ буржуевъ, наши парламентскіе болтуны ухватываются за внѣшнее проявленіе этой запуганности, насколько ее можно было констатировать въ парламентѣ у дипломатичныхъ представителей буржуазнаго класса, подымаютъ радостный крикъ и оглушаютъ себя апплодисментами

своихъ-же собственныхъ рукъ и воображаютъ, наивные, что единственно ихъ боевыя рѣчи, скандальныя разоблаченія привели въ ужасъ отживающій міръ.

Въ то время, какъ остроумная реакція усыпляетъ народъ рѣчами его-же собственныхъ представителей, передъ мало опасными для ея кармановъ филиппиками которыхъ она, какъ ловкій игрокъ, отступаетъ съ притворной боязнью оскандалившихся людей, ея конкуренты по словоизверженію такъ увлекаются полемическими верхами, что совершенно упускаютъ изъ виду реальные „низы“ — народные элементы. И идетъ утомительно медленное обновленіе міра, безрезультатная для прогресса борьба его съ регрессомъ, добра со зломъ. Но достаточно изогнуть народу свою могучую спину, какъ буржуазія, не дождавшись новаго разгула бога полемики, этого неистоваго, распутнаго Бахуса образцовой болтливости, сама начинаетъ дѣлать подходы къ крайнимъ лѣвымъ, которыя, окончательно расчувствовавшись, радостно затягиваютъ „комаринскаго“ и, получивъ уступки, начинаютъ наживать на самомъ фактѣ ихъ заполученія политическіе и неполитическіе капиталы. Эти господа забываютъ, что, если бы не призракъ народныхъ волненій, такая громадная сила реакціи мало считалась-бы съ истощенными теоретиками. Революція не только какъ фактъ, но и какъ призракъ, дѣлаетъ чудеса...

Впрягаясь въ утомительно медленно шествующую колесницу копеечныхъ уступокъ, всякіе культуртрегеры, земцы, филантропы должны поэтому имѣть въ виду, что даже столь немудренную работу они не могли-бы выполнить, если-бы имъ и здѣсь не помогала революція. Но, предоставивъ всѣмъ этимъ господамъ возиться со старымъ хламомъ, продолжать свою столь интересную работу вывозить изъ авгіевыхъ конюшенъ навозъ по одному грамму въ день, мы перейдемъ къ тѣмъ, которые находятъ, что возможно произвести и „болѣе радикальную чистку“ и потому называютъ себя революціонерами. Перейдемъ къ нимъ и спросимъ, какіе рецепты имѣются у нихъ въ наличности, чтобы успокоить насъ насчетъ нашихъ будущихъ судебъ и насчетъ того, что скоро настанетъ то блаженное время, когда угрозы силезскихъ ткачей:

Мы старой Германіи саванъ соткемъ

станетъ реальнымъ событіемъ, какъ не кровавая расправа со старымъ міромъ?

Какія гарантіи могутъ дать намъ боящіеся крови, очень подозрительной окраски, революціонеры, что изгнанные Голштинцы, поддержанные иностранными капиталистами, потерявшими въ моментъ революціи милліоны и милліарды, не поднимутъ на „революціонеровъ—разбойниковъ“ всю просвѣщенную Европу, что

они, улучивъ моментъ, когда масса будетъ лишь дѣлать возліянія въ честь боговъ и въ виду столь торжественной обстановки сниметъ свои доспѣхи и успокоитъ, смиритъ свои страсти, что они, вѣчные претенденты на домъ Романовыхъ, не станутъ въ такое время преображаться въ Орфеевъ и экзалтировать народъ обѣщаніями великаго будущаго, какъ имъ, несчастнымъ рабамъ, такъ и „милой Россіи“. Или, можетъ быть, голодная стая историческихъ коршуновъ, вдругъ завидѣвшая живую душу въ принадлежавшей ей всецѣло пустынѣ, заваленной падалью и потому теперь съ крикомъ отлетѣвшая вдаль, не налетитъ вновь на мертвую округу, какъ только долина смерти и вздоховъ для всѣхъ обездоленныхъ заразитъ и эту живую душу и свалитъ ее на землю, — если только заранѣе не позаботиться перестрѣлять всю хищную свору негодяевъ и обагрить ихъ кровью долину, той кровью, которая обладаетъ чародѣйственной силой оживлять окрестъ. Или старые дворяне позабудутъ о своемъ быломъ величіи, бюрократы — о прелести бумагопоскрипыванья, оставшіяся власти потеряютъ вкусъ къ палкѣ и розгамъ, а всѣ, которые хоть разъ возлежали за пышными столами, станутъ съ меньшимъ восхищеніемъ смаковать роскошь предстоящаго объѣданія.

Или, можетъ быть, вы думаете, что всѣхъ родовъ обжоры, всѣ банкиры, честные маклера и разные Круппы и Штурмы перестанутъ посягать на народныя сокровища, на нѣдра и земли, если только вамъ удастся ясно, безапелляціонно доказать въ парламентѣ ихъ безстыдство и то, что разъ нашихъ депутатовъ 81, то всѣ мошенники и всякіе кляузники должны придти въ ужасъ и постепенно вытаскивать изъ тайныхъ шкафовъ туго набитые сундуки, хотя доблестные пруссаки могутъ еще надолго гарантировать Его Величеству цѣлость Великой Германіи. Гдѣ-гдѣ реакція смирялась, какъ не тамъ, гдѣ революція, произведя массу „напраснаго кровопролитія“, заставляла спасаться разныхъ Меттерниховъ и Гизо отъ вѣрной смерти, отъ прямыхъ, непрозрачныхъ угрозъ народныхъ массъ.

Нѣтъ, мы не вѣримъ братолюбію, добродушію и другимъ доблестямъ тѣхъ, у которыхъ еще никто не намѣревался вырвать изо рта кусочекъ хлѣба, мы не повѣримъ никакимъ фарисеямъ, увѣряющимъ языкомъ искреннихъ израильтянъ, что да прилипнетъ языкъ къ гортани, прежде, чѣмъ они измѣнятъ великой клятвѣ, данной подъ первымъ впечатлѣніемъ сентябрьскихъ ужасовъ. Не надо переговоровъ тамъ, гдѣ одерживаются побѣды; тамъ надо лишь устранять всѣхъ заклятыхъ враговъ свободы, тамъ надо продолжать дѣло революціи до тѣхъ поръ, пока не будетъ исчерпана вся революціонная мощь эксплуатируемыхъ! Людямъ уда-

ется унести съ рынка, на которомъ спорятъ народные элементы, только пустую бумажонку, предоставивъ разнымъ Кавеньякамъ свободно распоряжаться пушками и мортирами, солдатскими штыками и казачьими нагайками, люди даютъ властямъ питательные корешки, забравъ безполезные вершки и они еще воображаютъ, еше смѣютъ увѣрять насъ, что власти обмануты ими такъ, какъ тяжелые на подъемъ Топтыгины хозяйственными, разумными мужичками. Истреблять, уничтожать, искоренять, перестрѣлять, передушить, разлиться желчью, опаснымъ ядомъ по всей странѣ, разносить всюду трепетъ и ужасъ, перепахать тѣ мѣста, гдѣ высятся мраморные дворцы — вотъ въ чемъ заключается альфа и омега разработанной системы дѣйствительныхъ гарантій.

Останавливаясь такъ долго на „звѣрствахъ революціи“, оспаривая необходимость ея, если только она не можетъ обойтись безъ „дикихъ“ сценъ, всѣ герои съ заячьей душой проявляютъ ни больше, ни меньше, какъ или страшную лѣность мысли, не позволяющую имъ хотя-бы на минуту представить себѣ всю сумму жертвъ, которую пожираетъ буржуазный Молохъ, и сравнить съ ними тѣ незначительныя по численности жертвы, которыя требуются революціей, или-же присущій многимъ, даже принаряженнымъ въ рабочія блузы, интеллигентамъ, ясный и безъ коментаріевъ аристократизмъ. Странно, что лица, которыя регистрируютъ сотни тысячъ прямыхъ жертвъ буржуазнаго режима, беззастѣнчивый грабежъ богатствъ страны, что они могутъ хоть на минуту останавливать наше вниманіе на такихъ деталяхъ, какъ избіеніе голодной улицей жителей дворцовъ и палатъ, хотя-бы всѣхъ поголовно, какъ грабежъ всѣхъ лавокъ для того, чтобы, если, можетъ быть, и смирить немножко буржуазную спѣсь какихъ нибудь десятковъ тысячъ, то зато „награбленнымъ“ добромъ спасти также цѣлые кварталы и города отъ голодной смерти.

Народный поэтъ, воспѣвавшій страданья и муки Россіи, давшій очень удачную характеристику русской скорби въ знаменитомъ куплетѣ:

Выдь на Волгу! чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется
То бурлаки идутъ бичевой,

— убоявшись скорпіоновъ, пишетъ гнусное, подлое посвященіе Комиссарову-Костромскому, приходитъ въ мнимую дрожь отъ одной мысли, что обожаемый Россіей монархъ могъ быть отправленъ на тотъ свѣтъ. Такое сочетаніе оффиціальнаго либерализма и даже

революціонности съ плохо скрываемой запуганностью или же просто съ присущимъ всякимъ хамамъ черезъ-чуръ большимъ пристрастіемъ къ золотымъ балдахинамъ и хрустальнымъ заламъ съ кокотками высшей масти, есть одно изъ историческихъ проклятій, которыя испоконъ вѣковъ гнетутъ умъ и душу людей, извращенныхъ сознаніемъ необходимости высшихъ и низшихъ, царей и подданныхъ, смотрящихъ въ увеличительныя стекла и микроскопы на каждую царапину, получаемую благороднымъ дворянствомъ и именитымъ купечествомъ и съ хладнокровіемъ статистиковъ регистрирующихъ танталовы муки народа.

Еще долго, благодаря прежде всего такъ называемымъ „идеологамъ“ пролетаріата, бѣлая кость и тонкая кожа, пухлыя ручки и выхоленное тѣло, нѣжность расцвѣтшей въ оранжереѣ феи, шелковистые, расчесанные локоны очаровательныхъ принцессъ; атласъ, бархатъ, горностай, золото, жемчугъ и яхонтъ будутъ плѣнять слишкомъ чувствительныя сердца, восхищать взоръ обезумѣвшихъ отъ побрякушекъ холоповъ. Вѣдь только недавно, въ концѣ XIX столѣтія, исторія могла устами Либкнехтовъ, Ферри посылать проклятія и насмѣшки по адресу славныхъ героевъ Геделей, Казеріо и проч., а также и тѣхъ ихъ друзей, которые могли сочувствовать и поддерживать великихъ безумцевъ въ самую трудную минуту, когда шарлатаны отъ революціи натравляли на нихъ полицію и всѣхъ дьяволовъ преисподней и какъ фанатики кричали подъ громкіе аплодисменты международной полиціи: „à bas les assassins!“

Проходя мимо скромныхъ, убогихъ похоронъ нашихъ сестеръ и женъ, мимо безчисленнаго множества жертвъ, надъ которыми не стоитъ останавливаться просто потому, что нельзя-же все время отравлять себя причитаніями по поводу суетности всѣхъ суетъ, они, эти ублюдки человѣчества, изъ списка всѣхъ убіенныхъ выбираютъ такую жемчужину, какъ плаксивая проститутка въ великолѣпіи своего императорскаго облаченія и только тогда вспоминаютъ про эту суетность всѣхъ суетъ, ломаютъ руки и біютъ въ перси своя по поводу каждой драгоцѣнной капельки крови, сочащейся изъ ранъ на атласномъ тѣлѣ австріячки, они тогда строятъ свои теоріи политическихъ невинностей, обдаютъ міръ зловоніемъ своихъ пошлыхъ замѣчаній о жестокости надругательствъ надъ старостью, надъ женской безпомощностью и такъ далѣе вплоть до полной потери стыда и совѣсти.

А безконечная масса убійствъ! А масса звѣрствъ, совершаемыхъ каждый день надъ женами и дочерьми эксплуатируемаго люда! Почему вы изъ всего моря слезъ и крови приняли такъ близко къ сердцу лишь слезы исте-

кавшей кровью аристократки? Надъ тѣмъ, чтобъ сохранить ея „драгоцѣнную“ для Австріи жизнь, каждый день тратились десятки и сотни тысячъ, и эти десятки и сотни тысячъ взимались подъ палками сборщиковъ податей съ изголодавшагося люда и бѣдность, росшая между прочимъ благодаря и ей, пріѣвшейся „маститому императору“ наложницѣ, рождала тѣ „пороки“, „преступленія“, „убійства“ и проч., надъ которыми задумалась бѣдная головушка знаменитаго криминалиста.

А этотъ лицемѣръ съ королевско-полицейскимъ душкомъ, вашъ честный протеже, Карно: вычислили-ли вы, соціалъ-доносчики, сколько крови попортили луидоры этого превосходнаго гражданина пролетаріату Франціи? Что дѣлали, когда слыхали вы о преступленіяхъ почтеннаго изверга, о массѣ человѣческихъ жертвъ, цѣной которыхъ поддерживалось его президентское благополучіе, расписывали-ли вы его дѣлнія, кричали-ли вы въ темныя, ужасныя ночи голосомъ мстительной Немезиды „убійца, злодѣй! à bas les assassins!“ со скрежетомъ ли зубовнымъ гнались за нимъ и взывали-ли къ Ѳемидѣ, — или, наоборотъ, посылали свое благословеніе палачамъ, и какъ изступленныя Эвмениды*) вопили по адресу героевъ, шествовавшихъ на Голгофу:

„Вашъ стонъ, вашъ плачъ, — веселье намъ!“

Гильотина работала на славу, какъ будто подкупленная соціалдемократами, кровь струйками обрызгивала ножъ, оловянное яблоко блуждало въ орбитѣ, тѣло вздрагивало и сокращалось и билось въ конвульсіяхъ; деревянный гробъ уносилъ съ собой въ могилу еще свѣжій, трепещущій трупъ; несчастныя матери въ глубокомъ траурѣ провожали дѣтей къ праотцамъ своимъ, а тамъ.... тамъ дворцы, великолѣпные дворцы, отъ радости гудѣли, дворцы Савойскаго дома, Габсбурговъ, Лафарговъ, Бебелей и К°. Тамъ побѣдные гимны въ честь никому неизвѣстныхъ добродѣтелей какой-то беззубой старушки и прочихъ, ей подобныхъ, созданій сливались съ отходными по рабамъ божіимъ Луккени, Бреши, Казеріо и прочимъ, — тамъ другъ соціалистовъ Ломброзо дѣлалъ свои „ученыя“ изслѣдованія надъ головами анархистовъ, а въ одномъ изъ ресторановъ Берлина милая компанія изъ пивовара, торговца табакомъ и сигарами и книгопродавца вела оживленный споръ, вспоминая старыя заслуги поэта-шовиниста Либкнехта и

*) Я прошу извиненія у греческихъ богинь за столь компрометирующее ихъ сравненіе; ибо онѣ, если и жестоко раздѣлывались со своими жертвами, то, во всякомъ случаѣ, не наускивали на нихъ полиціи.

долго обсуждала, какой эффектъ должны были производить статьи его и его друзей противъ Нобилинга и Геделя на полицейскій участокъ.

Мы были свидѣтелями и другого явленія — настоящаго гермофродитизма мысли, когда къ побѣдному хору пресытившихся казнями теоретическихъ противниковъ своихъ, къ хору праздношатающихся соціалистовъ, присоединился робкій фальцетъ запуганныхъ полиціей анархистовъ, въ косноязычіи своемъ промолвившихъ по адресу Луккени: „безумецъ, неблагоразумный, нетактичный“ и проч., какъ будто ненависть трущобъ, доведенная до „абсурда“ не есть то, что единственно поддерживаетъ въ убійственно-неповоротливой Европѣ революціонную злобу народа. Око за око, зубъ за зубъ — вотъ что говоритъ революція, и если есть иного рода философы, пусть лучше сидятъ они по пятнадцати часовъ въ храмахъ уединеннаго размышленія: плоды отъ ихъ дѣятельности только тамъ могутъ быть замѣтны.

Дозволивъ неконституціоннымъ странамъ признавать, что имъ угодно, хотя-бы терроръ (нѣмцы въ дѣлахъ иностранной политики не рѣшились произнести окончательнаго veto на счетъ тѣхъ или другихъ пріемовъ борьбы, посколько дѣло касалось Россіи, Турціи и проч., а предоставили высказаться разнымъ живымъ окаменѣлостямъ, какъ напр. Вѣрѣ Засуличъ), международная соціалдемократія, имѣющая такого запѣвалу, какъ Бебель, давно высказывается въ Западной Европѣ противъ революціонныхъ актовъ. Понятно, что подобная уступка русскимъ собратьямъ не абсолютная.

Первая не вполнѣ полицейская конституція, при которой русскіе ученики имѣли-бы возможность хоть въ количествѣ 2-3 персонъ засѣдать въ земскомъ соборѣ, хоть въ 2-3 городахъ быть префектами полиціи — и привиллегія на реальную, фактическую революціонность обязательно будетъ отнята у нихъ и пойдетъ въ Россіи, какъ въ остальной Европѣ, царство реформаторскаго революціонизма. И соціалдемократія будетъ, какъ спасительная радуга, опоясывать и русское буржуазное небо.

Напрасно читатель будетъ пенять на насъ за подобныя стилистическія неточности, какъ „реформаторскій революціонизмъ“. Такому читателю мы отвѣтили бы:

Есть многое на небѣ и землѣ,
Что и во снѣ, Горацію, не снилось
Твоей учености.

„Реформы“, кричатъ бернштейніанцы.

„Реформы съ соусомъ соціализма“, отвѣчаютъ друзья Бебеля, чтобъ, очевидно, не вполнѣ свѣжія кушанья пришлись по вкусу

нѣмецкимъ рабочимъ; если же послѣдніе выкажутъ больше брезгливости, соціалдемократы-пивовары придутъ на помощь и выставятъ горькую усладу, чтобъ горечь жизни заглушить горечью напитка.

Дѣлатели рабочихъ реформъ отличаются всегда глубокой вѣрой въ необходимость своего пришествія; они думаютъ, что составленіе проекта маленькихъ реформъ представляетъ такую хитрую вещь, что не носи этихъ господъ безразличная къ своей ношѣ мать сыра-земля, никто, будь онъ семи пядей во лбу, не додумался-бы до такой премудрости. Наивнымъ ханжамъ, наивнымъ въ ихъ философско-метафизическомъ благоусердіи и ханжамъ въ смыслѣ обрядового пониманія соціализма, кажется, что вся суть не въ внушительныхъ демонстраціяхъ, не въ оружейной и динамитной пальбѣ, а въ томъ, чтобы языкъ депутата былъ настолько поворотливъ, чтобы онъ могъ съ скоропалительностью пономаря отзвонить 8 часовой рабочій день, максимумъ заработной платы, страхованіе и проч., при чемъ принимается, что такая поворотливость присуща только языку соціалдемократа.

Господа, которые въ радикализмѣ гораздо ниже любого маркиза въ знаменитую ночь 4 августа, которымъ куда еще до авторовъ деклараціи правъ человѣка, думаютъ, что исторія мысли такъ мало подвинулась впередъ за XIX столѣтіе, что только развѣ нѣкоторымъ изъ нихъ, Uebermensch'амъ современнаго общества, доступно постичь весь глубокій смыслъ хитроумной комбинаціи какихъ-то шаблонныхъ полу-реформъ. Предполагается, что пока имѣются въ наличности столь всеобъемлющія головы, необходимо спѣшить разработкой самыхъ детальныхъ программъ, чтобы не было во время революціи никакого замѣшательства и чтобы тогда публика не очутилась „безъ руля и безъ вѣтрилъ", безъ всякаго представленія о томъ, куда революціонерамъ лежитъ путь-дороженька.

Легкомысленныя созданія не могутъ понять, что ихъ претензіи быть единственными мастерами по части различныхъ перестановокъ однихъ и тѣхъ-же требованій не выдерживаютъ никакой критики просто потому, что закажи ихъ въ любой данный моментъ первому неудачнику гимназисту, дай ему 2-3 учебника и онъ состряпаетъ такую программу, что ею остался бы доволенъ самъ побившій рекордъ по этой части, Поссе въ то время, когда онъ еще велъ нелегальную „Жизнь".

Дѣло не въ трудности составленія проекта реформъ; нѣтъ! всѣ онѣ давно наперечетъ извѣстны не только получающимъ, но и дѣлающимъ уступки, тѣмъ болѣе, что всѣ эти реформы могутъ праздновать болѣе чѣмъ брилліантовую свадьбу даже не съ со-

ціализмомъ, а съ самымъ обыкновеннымъ радикализмомъ. Да если-бы это и было не такъ, то въ моментъ революціи чувство самосохраненія сдѣлаетъ буржуазію настолько изобрѣтательной, что она пойдетъ на все безъ всякихъ понукиваній съ вашей стороны. Для того, чтобы догадаться, что рабочихъ на время можно успокоить, можетъ быть, сбавкой времени работы на одинъ часъ, для этого не надо быть воплощеніемъ премудрости, а просто надо дрожать за свои каменныя палаты. И когда застучатъ передъ носомъ буржуазіи кулаки рабочихъ, программы появятся, увѣряю васъ, господа, на другой-же день. Если даже другимъ державамъ есть основаніе бояться очутиться въ одинъ день безъ людей, могущихъ составлять программы, Россійской имперіи нечего безпокоиться на этотъ счетъ. Женевская фирма Куклина можетъ дать вѣрныя гарантіи того, что она снабдитъ насъ на цѣлое столѣтіе впередъ кипами какихъ угодно программъ.

Реформы, улучшенія и проч. должны быть не на знамени революціонера, выставляющаго, наоборотъ, полностью свой конечный идеалъ. Трусливая, сговорчивая буржуазія выдвинетъ ихъ, чтобъ намъ помѣшать въ достиженіи послѣдняго; это не бальзамъ, врачующій раны пролетаріевъ, это громоотводъ для эксплуататоровъ, это для нихъ прибѣжище и сила каждый разъ, когда волнуется подземелье.

Выступленіе доблестной арміи сговорчивыхъ, благоразумныхъ реформаторовъ дѣлаетъ менѣе страшнымъ для враговъ, болѣе проблематичнымъ надвиганіе кроваваго призрака революціи; увѣренная въ себѣ, менѣе пугливая буржуазія имѣетъ возможность тогда назначать свои цѣны, которыми она мѣритъ силу вашей ненависти къ ней. Предварительное объявленіе ей максимума вашихъ минимальныхъ требованій необходимо для нея потому, что она можетъ тогда болѣе спокойно взвѣшивать всѣ обстоятельства дѣла и не дѣлать черезъ чуръ большихъ глупостей, а, наоборотъ, умѣло, осторожно поддаваться вашему давленію на нее. Наконецъ, эти забавныя программы-минимумъ оказываютъ еще одну крупную услугу господамъ Колупаевымъ: онѣ своимъ существованіемъ санкціонируютъ возможность переговоровъ между діаметрально противоположными слоями народа, говорятъ, что надо считаться съ буржуазіей, какъ съ равноправной рабочимъ стороной, такъ что битва принимаетъ характеръ мирной купли-продажи, гдѣ, понятно, очень много перепадаетъ на долю людей съ положеніемъ, съ капиталами, на долю ничего не теряющей, никого не боящейся, оберегаемой богомъ и полиціей и могущей дольше ждать буржуазіи.

Вмѣсто того, чтобы все болѣе обострять антагонизмъ между

послѣдней и обездоленными, вмѣсто того, чтобъ рабочихъ все болѣе и болѣе ожесточать противъ эксплуататоровъ, — чтобъ было ясно всѣмъ, что уступки ни въ коемъ случаѣ не санкціонированы первыми, а признаны, какъ совершившійся фактъ, спасшій бандитовъ отъ окончательной гибели и ставшій возможнымъ, благодаря слабости, въ конечномъ счетѣ, пораженію рабочихъ, не смогшихъ совершенно ликвидировать буржуазную лавочку, вмѣсто того, чтобъ рѣзче подчеркивать все это, разъясняя тѣмъ самымъ борцамъ, что побѣдой должно называться кое-что другое, вмѣсто этого признается за уступками характеръ блестящихъ, неслыханныхъ, не виданныхъ міромъ побѣдъ.

И вотъ трудящійся міръ постепенно настраивается въ примирительномъ духѣ, проникается нѣжностью къ судьбамъ буржуазіи. За всѣ революціонные подвиги его кормили лишь чечевичной похлебкой и, понятно, важно, чтобъ сознаніе такого надувательства, какъ червь, сосало сердце его и чтобъ оно заставляло рабочихъ проходить мимо ничтожныхъ до смѣшного подачекъ и нетерпѣливо ждать новыхъ взрывовъ революціоннаго духа. Если вниманіе ихъ приковывать исключительно на благодарную работу полнаго разрушенія современнаго строя, то они приложатъ все стараніе, чтобы каждый новый взрывъ былъ болѣе интенсивнымъ и чтобъ чаще происходили эти ужасные взрывы; тогда и самыя реформы, какъ бромистый натрій для все болѣе и болѣе нервничающихъ особъ, должны и будутъ отпускаться буржуазіей рабочимъ все въ болѣе усиленныхъ дозахъ. Иначе зачѣмъ буржуазіи особенно спѣшить даже съ обѣщанными реформами?

Вѣдь, все равно, вы не доведете дѣла, не измѣняя своей тактикѣ, до чего нибудь серьезнаго, а особой сентиментальностью эксплуататорская свора никогда не отличалась, чтобъ безъ нужды швырять ей хотя-бы даже копеечками.

Она, наоборотъ, знаетъ, что съ такимъ противникомъ, какъ вы, ей легко возстановить міръ на землѣ, она знаетъ, что только легкомысленные люди могутъ, спокойно затѣявъ разговоръ, сразу перейти, не дождавшись всѣхъ доводовъ своихъ противниковъ, къ болѣе серьезной аргументаціи—тумакамъ и пощечинамъ, ибо всякій, согласившійся обсуждать серьезно какой нибудь споръ, долженъ выдержать свою роль до конца; какъ знаетъ она и то, что вы не принадлежите къ разряду такихъ легкомысленныхъ людей. Спокойно почиваетъ она на лаврахъ, прихорашивается и лишь иногда, иногда выбрасываетъ жалкіе гроши, гарантируя тѣмъ себѣ цѣлость туго набитаго кошелька.

Оставаясь вѣрной принципамъ соціалдемократіи, русская подруга послѣдней имѣетъ право толковать о кровавой революціи

только до тѣхъ поръ, пока еще петербургское правительство не даровало ей права собраній и созывомъ парламента не дало ей возможности посылать туда своихъ депутатовъ, т. е. пока оно не думаетъ открыто вступать съ ней въ переговоры, какъ съ оффиціальной „народной“ партіей. Тамъ-же, гдѣ эти переговоры имѣютъ мѣсто, тамъ соціалдемократамъ не приходится надѣвать революціонные доспѣхи и шествовать противъ враговъ трудящагося люда. Но и въ такихъ странахъ революціонный элементъ необходимъ хотя-бы для болѣе успѣшнаго развитія страны, даже если это развитіе идетъ только путемъ реформъ, а не грозныхъ революцій. И, дѣйствительно, зачѣмъ соціалдемократія все-таки за въ революціонную фразеологію и зачѣмъ она пугаетъ буржуевъ призракомъ возможныхъ революцій, если она не вѣритъ въ цѣлительную силу такого запугиванья, если она, наоборотъ, старается склонить паразитовъ къ уступкамъ лишь одними переговорами, предполагая, очевидно, что добрые хозяева добровольно войдутъ въ тяжелое положеніе современныхъ рабовъ.

Надѣюсь, что всѣ искренніе революціонеры не ограничатся лишь этимъ „запугиваньемъ“ буржуазіи, что они пойдутъ дальше, что они будутъ подчеркивать необходимость дѣйствительнаго революціонизма: демонстрацій, бунтовъ, террора и т. д., предоставивъ либераламъ быть честными маклерами въ историческихъ спорахъ и стряпать для „отцевъ“ радикальнѣйшіе проэкты реформъ, какъ спасеніе отъ непослушныхъ „дѣтей“. Надо всегда помнить, что революціонеры какъ-бы логикой исторіи призваны быть носителями идеи разрушенія стараго міра, что силою вещей они должны взять на себя тѣ обязательства, какія никакой другой элементъ не можетъ взять на себя, что страна безъ смѣлыхъ революціонеровъ, революціонеровъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, можетъ сколько угодно услаждать себя мелодіей парламентскихъ рѣчей, но дальше крупповскихъ гаремовъ и преданныхъ Его Величеству Вильгельму II суда, цензуры и штыковъ не пойдетъ. Въ элементахъ мирныхъ никогда недостатка не было, и если либерализмъ нѣкоторыхъ, лишь по названію либеральныхъ слоевъ общества, въ мирно развивающейся странѣ оказался очень сомнительной цѣны, потому что ихъ роль прекрасно выполняла рядомъ существовавшая фактически либеральная и лишь по кличкѣ „революціонная“ партія, то будьте спокойны, что теперь отступающій вправо оффиціальный либерализмъ заговоритъ довольно радикальнымъ языкомъ, если только „революціонная“ партія выступитъ, какъ партія честная, дѣйствительно революціонная и, прежде всего, признающая тактику непосредственной борьбы.

Не сомнѣвайтесь, что тогда у Рихтеровъ и К° хватитъ остро-

умія и смѣлости, чтобы далеко перещеголять теперешнихъ либеральныхъ революціонеровъ въ неподдѣльномъ радикализмѣ. Дѣло въ томъ, что либерализмъ не есть нѣчто устойчивое, опредѣленное въ какомъ бы то ни было отношеніи; это просто золотая середина и, поэтому, разъ крайняя лѣвая начинаетъ говорить языкомъ нѣмецкой соціалдемократіи, то и либерализмъ становится болѣе правымъ, трусливымъ, пріобрѣтаетъ болѣе реакціонный оттѣнокъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи. Въ революціонно настроенной странѣ и либералы иной масти, чѣмъ въ реакціонной Германіи. Поэтому, если бы, напримѣръ, германская соціалдемократія покинула свои мѣста въ рейхстагѣ и занялась бы организаціей революціонныхъ отрядовъ, которыхъ больше всего боится нѣмецкое самодержавіе, она могла быть спокойной, что партія, которая замѣнила бы ее на скамьяхъ крайней лѣвой, не съ меньшимъ, а, можетъ быть, съ большимъ успѣхомъ выполняла бы ея теперешнія задачи, ибо, постоянно указывая на возросшій численно, рядомъ дѣйствующій революціонный (и не только на словахъ) элементъ, она производила бы тѣмъ болѣе сильное давленіе на консервативные центръ и правую.

Нѣтъ! революція всегда, каждый день, каждый часъ, надо разжигать, воспламенять дѣйствительно думающихъ о коренной ломкѣ старыхъ устоевъ, чтобы, если можно, начать ее теперь же, съ сегоднешняго же дня; не намъ, а буржуазіи надо хвататься за реформы, какъ за послѣдній якорь спасенія противъ бушующихъ массъ.

Если бы даже вамъ не удалось сразу разшевелить народныя массы, зато буржуазія, видя вашу всегдашнюю готовность при первомъ удобномъ случаѣ аттаковать со всѣхъ возможныхъ фланговъ существующій строй, будетъ выказывать меньше упорства и въ итогѣ будутъ ну хотя бы вами лелѣямыя реформы. „Революціонныя“ партіи, носящія столь громкія клички потому, что онѣ прекрасно понимаютъ, какъ много выигрываютъ отъ ношенія ихъ, должны имѣть въ виду, что всякая незаконная узурпація чужого флага производитъ большой сумбуръ въ головахъ прозелитовъ. Здѣсь у насъ та же самая Дегаевщина, то же самое балансированіе между все болѣе получающимъ полицейскій обликъ либерализмомъ и утомительнымъ революціоннымъ словоблудствомъ, балансированіе открыто, на глазахъ самой партіи, съ молчаливаго согласія всѣхъ ея членовъ. Это опасно тѣмъ, что тогда, какъ въ 1883 г. было легко, разъ удалось раскрыть тайныя полицейскія махинаціи, если не воскресить партіи, то во всякомъ случаѣ, расторгнуть ея невольный незаконный бракъ съ полиціею и спасти ея революціонную честь, отстранивъ и Судейкиныхъ и Дегаевыхъ,—въ

случаѣ союза либерализма съ „революціонизмомъ“ гораздо труднѣе разлучить ихъ, ибо, какъ ни какъ, либералы менѣе могутъ шокировать своихъ союзниковъ, чѣмъ чиновники III отдѣленія попавшихъ въ ихъ сѣти революціонеровъ.

Надо помнить, что всякая борьба съ закрытымъ забраломъ (соціалдемократія напрасно скрываетъ свой въ дѣйствительности либеральный обликъ) должна быть противна честному, искреннему человѣку; она приноситъ громадный вредъ еще потому, что разъ имѣется оффиціальный „революціонный“ флагъ, народные слои будутъ на время хотя-бы абонироваться у старыхъ организацій и съ неохотой пойдутъ въ какіе-то новые, но безусловно революціонные отряды. Да и общество можетъ съ большимъ успѣхомъ преслѣдовать только что выступившія для цѣлей непосредственной борьбы революціонныя группы, доказывать всю безпочвенность ихъ дѣятельности, легкомысленность ихъ выступленія, ибо теорія непосредственной борьбы должна казаться ему ребяческой, смѣшной, достойной лишь разныхъ неудачниковъ и еще не вполнѣ оперившихся революціонеровъ. За 20-30 лѣтъ вашей дѣятельности она прекрасно поняла, насколько революціонная кличка соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Она поняла и перестала бояться васъ, доставившихъ ей возможность бороться съ честными революціонерами еще новыми средствами. Раньше либералъ критиковалъ революціонеровъ лишь со своей, либеральной, точки зрѣнія, но эта критика была мало опасна для кого бы то ни было. Теперь, когда буржуазные представители либерализма поняли характеръ „революціонной“ борьбы до безобразія хвастливой соціалдемократіи и то, что безъ вреда для себя, они могутъ въ борьбѣ съ активными революціонерами заимствовать аргументы изъ лагеря своихъ старыхъ противниковъ, они начинаютъ изливать вмѣстѣ съ послѣдними цѣлые ушаты грязи и клеветъ на Геделей, Нобилинговъ, Казеріо и проч. Они могутъ доказывать, что ношеніе „революціонныхъ“ кличекъ только неразумныхъ можетъ обязать къ прямымъ дѣйствіямъ: въ знакъ согласія имъ будетъ кивать головой международная соціалдемократія. Всѣ тѣ, которые еще не успѣли перейти отъ простыхъ увлеченій революціонными кличками къ болѣе глубокому проникновенію сутью революціонности, должны, понятно, поддаваться вліянію добродушныхъ старичковъ съ змѣинной душой. „Развѣ сказать: я революціонеръ, это значитъ метать бомбы“, скажетъ буржуй, намекая на соціалдемократа и молодой борецъ долженъ будетъ согласиться съ нимъ.

Какъ австралійцу трудно понять законность существованія бѣлыхъ лебедей, точно также молодому неокрѣпшему уму трудно

согласиться съ законностью выступленія дѣйствительно красныхъ революціонеровъ, въ то время, какъ ему приходилось встрѣчать мирныхъ и только мирныхъ. Требуется долгое путешествіе въ область мысли, чтобъ понять всю комичность фактически однако же существующаго мирнаго революціонизма. Часто бываетъ и то, что искренній человѣкъ перестаетъ отличать настоящихъ революціонеровъ отъ всякаго рода шантажистовъ и домогателей власти и вѣрить вообще въ идеалы революціи.

* * *

Мы видѣли, что революціонный духъ народа мало укладывается въ тѣ рамки, какія ставятся ему сухими, безжизненными комитетами, отъ которыхъ пахнетъ, какъ отъ сгнившихъ, отсырѣвшихъ архивовъ; мы видѣли далѣе, что революція, какъ наиболѣе дѣйствительный коррективъ исторіи, требуетъ такой самостоятельности индивидуальной мысли, такого полнаго развитія въ людяхъ чувства ненависти къ королямъ и купцамъ разныхъ гильдій и фабрикантамъ разнаго состоянія, что невозможно никакой замариновавшей свой внѣшній обликъ и все свое нутро, организаціи, хоть въ маломъ удовлетворить безконечнымъ капризамъ революціоннаго бога. Разъ ясно для человѣка, что революція должна быть бѣшенной, свирѣпой, если только она, вообще, можетъ и должна быть и если имѣется въ виду хоть разъ произвести въ Россіи коренную ломку существующихъ формъ и сознается возможность ея, разъ борящаяся интеллигенція признаетъ возможнымъ и должнымъ помогать ходу событій, то, понятно, что эта помощь должна проявиться въ видѣ усиленія темпа развитія, въ видѣ ускоренія революціоннаго процесса.

Отсюда само собою вытекаетъ, что революціонеръ долженъ приложить все свое усиліе, чтобъ народныя массы раньше прониклись злобой, ненавистью къ эксплуататорамъ, чтобъ раньше проснулся въ нихъ демонъ разрушенія и принять всѣ предосторожности, чтобъ ничто сухое, черствое, какъ душа запуганнаго коллежскаго регистратора въ какомъ нибудь казарменномъ департаментѣ, ничто, отъ чего несетъ ладономъ и смирной, ничто „резонное“ не коснулось ихъ, чтобъ ни одна искра, которая тлѣетъ въ душѣ борца, не потухла, а бурно воспламенилась-бы цѣлымъ вѣеромъ революціоннаго огня, чтобъ все то, что говоритъ о смиренномудріи и прочихъ добродѣтеляхъ господъ, желающихъ заполучить отъ своихъ дядюшекъ хорошіе куши, было запаковано, запечатано и отправлено ближайшимъ поѣздомъ въ соціалдемократическій Берлинъ: пускай тамъ торгуютъ имъ распивочно и на выносъ! Дилемма ясна, ибо посылки очень просты.

Во первыхъ, революція не любитъ беззубыхъ старухъ, штопающихъ цѣлыя столѣтія нѣмецкую философію; она ненавидитъ тѣхъ кастратовъ жизни, которыхъ возмущаетъ поэтическая натура людей, она признаетъ лишь бури, грозы, стоны вселенной, ужасы ада и смѣлость и рѣшительность героя — въ виду этого она молча проходитъ мимо разныхъ богадѣленъ, пріютовъ для безногихъ, слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, инвалидныхъ домовъ и другихъ заведеній, мимо теоретиковъ, талмудистовъ, алхимиковъ и всей досгославной фирмы „Гегель и К°.“, Гегеля въ приличной позѣ и Гегеля въ неприличной – ногами въ потолокъ и головой внизъ.

Во вторыхъ, можно оказать, должно оказать услуги революціи, можно и должно помочь скорѣйшему наступленію ея и болѣе полной ликвидаціи старыхъ формъ жизни.

Отсюда, изъ этихъ двухъ посылокъ, ясно умозаключеніе, что революціонный отрядъ долженъ аплодировать кровавымъ замашкамъ революціи, ни въ коемъ случаѣ не порицать башибузукскихъ нравовъ ея. Поэтому организація, впрягающаяся въ революціонную колесницу, должна взять за пароль ничто иное, какъ слово „жарь“; она должна и имѣетъ право устранять съ поля битвы тѣ организаціи, которыя болѣе робки, чѣмъ она, точно также, какъ въ свою очередь, должна уступать пальму первенства тѣмъ изъ нихъ, которыя болѣе революціонны. Уступайте только тѣмъ, у которыхъ глазъ не моргнетъ, рука не задрожитъ, голосъ не дрогнетъ, когда будутъ буржуи истекать кровью, у которыхъ вся эта сцена вызоветъ лишь остроумное замѣчаніе.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не требуется даже безпокоиться насчетъ передачи дѣла разжиганія революціонныхъ страстей массъ болѣе смѣлымъ, мужественнымъ отрядамъ. Сама революція, восходя по лѣстницѣ все большей безшабашности, все болѣе возмутительной лютости и озвѣренія, будетъ дѣлать свой собственный партійный и фракціонный подборъ. Сентиментально-благочестивыя организаціи могутъ поддерживать свои связи только въ существующей атмосферѣ, которая можетъ питать только такія партійныя взаимоотношенія.

Но, когда въ воздухѣ носятся стоны и крики, когда молніи разсѣкаютъ уголокъ ужасовъ и страховъ и смѣняются раскатами будирующаго грома — атмосфера насыщена иными міазмами, она полна особаго чада и способна поддерживать жизнь не хрупкихъ созданьицъ—вашихъ организацій, а, наоборотъ, такихъ чудовищъ съ карбонарскими и террористическими инстинктами, которымъ, понятно, не присущи ваши дореволюціонные вкусы и чужды задачи вашихъ организацій. Понятно, что часть старыхъ отрядовъ будетъ настраивать боевые инструменты на кровавыя мелодіи и

будетъ шествовать съ тѣми, которые не будудъ наряжаться въ ваши доспѣхи, но они тогда должны отречься отъ старыхъ своихъ заблужденій, порвать всѣ связи съ старыми друзьями, побрататься съ новыми, чтобъ вмѣстѣ съ ними пѣть пѣсни крови и ужасовъ.

Организація, имѣющая цѣлью разжигать революціонныя страсти массъ, это та, которая отравляетъ всю борящуюся округу ядомъ своей злобы и подъ мѣткими ударами которой падаютъ какъ богомъ помазанные и друзья ихъ, такъ и жирные купчики и пузатые фабриканты; это вольные круги свободныхъ бѣглецовъ, разбойничьи банды дезертировъ, бродягъ, это шайки босой команды, это отряды заговорщиковъ и, наконецъ, рой вѣдьмъ на Брокенѣ на страхъ пучеглазымъ совамъ и робкой стаѣ крикливыхъ вороновъ. Когда пропоетъ красный пѣтухъ революціи, выдвиньте боевыя дружины, бейтесь, сражайтесь, обагряйте кровью вашихъ враговъ ваши мечи и сѣкиры и оставьте прохлаждаться дома тѣхъ собратьевъ, которые, говоря о стократной организаціи, хотѣли-бы вашу волю подчинить себѣ. Возвращаясь домой, не забудьте проколоть этихъ негодяевъ остріями тѣхъ-же самыхъ мечей.

Организація разжигаетъ революціонныя страсти массъ, возведя рѣшимость, отвагу въ культъ. Все, что можетъ напомнить хоть въ слабой степени будущіе пріемы революціи, все должно быть испытано вами. Вы должны поддерживать всѣхъ родовъ революціонный протестъ, какъ тотъ, который имѣетъ мѣсто теперь, такъ и тотъ, который будетъ выдвинутъ послѣ логикой революціи. Всегда, если только въ наличности имѣется какая-нибудь сила (организованная или неорганизованная — это все равно), всегда надо проявить все то безуміе, которому имя революція, ибо это безуміе есть лучшій организаторъ народной смѣлости. Абсолютное непониманіе дѣла Донскимъ Комитетомъ и преступными армянскими, грузинскими и прочими соціалдемократами и соціалистами-революціонерами заключалось въ ясной робости ихъ мысли. Не ждать полиціи, а надо было напасть на нее, перерѣзать ее (не страшитесь словъ, вы должны быть хорошимъ хирургомъ, чтобы быть хорошимъ революціонеромъ), овладѣть городами, провозгласить коммуны и проявить всю энергію, какую только можно было, особенно въ первое время, когда города находились въ рукахъ революціонеровъ. Полиція пришла-бы — нѣтъ спора въ этомъ. Полиція перестрѣляла-бы васъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ.

То, что вы возмущенные сентиментальничаете, что нельзя-же такъ легкомысленно располагать судьбою столькихъ лицъ — это ясно можно прочесть на вашемъ лицѣ, желающемъ выразить глубокомыслiе, хотя удается ему выразить только испугъ и рѣдкую наивность. А развѣ тогда, когда вамъ придется устроить первую схватку съ полицiей, не будетъ этой рѣзни? Развѣ послѣ перваго пораженiя массъ вы меньше будете имѣть основанiй укорять себя въ томъ, что такъ легкомысленно располагали судьбою столькихъ-же, если не большаго количества лицъ. Наоборотъ, не только вы сами себя, но и другiе—рядовые, которыхъ вы призвали на поле битвы, будутъ прибивать васъ къ позорному столбу, какъ обманщиковъ и еще съ большимъ основанiемъ, ибо каждая отсрочка покупается у исторiи цѣною невѣроятнаго числа жертвъ.

Но можно-ли вообще избѣжать пролитiя цѣлаго моря народной крови ради хотя-бы великаго дѣла революцiи? Если не вамъ, такъ другимъ придется взять на себя эту неблагодарную, жестокую по отношенiю къ загубленнымъ силамъ, но справедливую по отношенiю ко всей освободительной борьбѣ роль. Несчастье заключается прежде всего въ присущей каждой „серьезной“ партiи боязни передъ ближайшимъ будущимъ. Человѣкъ готовъ подписываться подъ какими угодно ужасами, но не теперь, а послѣ; теперь онъ проситъ, молитъ покоя, ему хочется отдохнуть, полежать на диванѣ и перелистывать богатыя изданiя легальной и нелегальной прессы. Между тѣмъ, какъ ясно, что надо оставить эту боязнь передъ роковымъ „сегодня“, передъ ближайшимъ будущимъ. Любой моментъ самаго отдаленнаго будущаго будетъ когда-нибудь ближайшимъ и робость будетъ вѣчнымъ удѣломъ того, кто привыкъ къ количественнымъ, благоразумнымъ измѣненiямъ, но не къ качественнымъ, безумнымъ. Переживающему перiодъ затишья всегда вѣрится съ трудомъ, чтобъ онъ могъ быть свидѣтелемъ великихъ событiй. Исторiя-же говоритъ, что надо дорожить для революцiоннаго дѣла ближайшимъ моментомъ, надо вѣрить ему, чтобы избавиться отъ невыносимаго гнета охватившей ваше сознанiе пассивности.

Господа своихъ холоповъ, а потому (по крайней мѣрѣ это имъ такъ кажется) владыки надъ революцiей, соцiалдемократы представляютъ себѣ послѣднюю, какъ какой-то сконцентрированный мгновенный залпъ народной ненависти, какъ какую-то точку въ исторiи безъ всякихъ протяженiй во времени. Поэтому надо пока молчать, ждать, собирать полки, мобилизировать оппозицiю и затѣмъ сразу сорваться съ вѣковой цѣпи и наброситься на жрецовъ кнута и насилiя. Они не понимаютъ, что своей разнотонностью революцiя скорѣе напоминаетъ страш-

яныя кляксы, расплывающіяся, сходящіяся съ блѣднымъ фономъ предыдущихъ періодовъ. Вы видите въ нихъ массу темныхъ пятенъ, свѣтлыхъ частей, глаза, овалы, пятнышки, заканчивающіеся еще до клаксъ и проч. Кульминаціонный періодъ революціи предшествуется массой отдѣльныхъ, неудачныхъ, безумныхъ, кровопролитныхъ, никчемныхъ будто, но исторически необходимыхъ схватокъ, пораженій, проваловъ, полупобѣдъ. Поэтому отодвинуть кляксу, — это не значитъ лишить ее всѣхъ ея полутоновъ, такъ какъ, бухая на страницы исторіи, разбрызгиваешь кровь вокругъ.

Отодвинуть революцію, это не значитъ лишить ее всѣхъ предшествующихъ кровопролитій, сценъ ужаса и насилія, временныхъ, деморализирующихъ васъ пораженій, моментовъ народнаго недовѣрія и отчаянія, болѣе или менѣе сильныхъ проваловъ или полупобѣдъ. Въ виду этого, и всѣ указанія на возможныя неудачи и отступленія въ рядахъ борцовъ и сопутствующую ихъ деморализацію не есть какая нибудь абсолютная оцѣнка условій даннаго момента, ибо эти явленія суть необходимая принадлежность любого момента, начавшаго эру всеобщаго крушенія старыхъ формъ. Многимъ изъ васъ кажется, что Іегова пойдетъ впереди васъ и поведетъ на битвы народъ, когда онъ, всевѣдущій, увидитъ, что въ данный моментъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ превосходствѣ оппозиціонныхъ силъ надъ правительственными, что онъ, всеблагій, какимъ нибудь небеснымъ знаменіемъ возвѣститъ вамъ, что пришелъ часъ избіенія нечестиваго племени филистимлянъ, а до того, въ великой жалости своей къ одному изъ малыхъ сихъ, не захочетъ повести васъ на явную погибель. Но, если не этому Іеговѣ, возможному лишь въ представленіи экзальтированныхъ дѣтей Сіона, то вамъ ли, хотя и большимъ книжникамъ, но сравнительно съ всемогуществомъ жизни слабымъ, ничтожнымъ, ограниченнымъ созданіямъ, проникнуть вашимъ умственнымъ взоромъ во всѣ треволненія народнаго океана, постигнуть и выложить передъ удивленными слушателями всѣ возможности самыхъ различныхъ комбинацій жизненныхъ теченій, всякихъ взаимоотношеній охранительныхъ, разрушительныхъ и созидательныхъ силъ другъ къ другу.

Вамъ-ли, людямъ буквы и догмъ, съ боязнью сентиментальныхъ великосвѣтскихъ дамъ подходящихъ къ полю, гдѣ воздухъ оглашается стонами, воплями раздавленныхъ, искалѣченныхъ, какимъ то незаконнымъ рахитическимъ дѣтямъ нѣмецкой культуры, вамъ ли держать руками, трясущимися послѣ каждаго выстрѣла въ Россіи, великую книгу, художественную книгу судебъ, написанную кровью и языкомъ вѣчно мстящихъ врагамъ боговъ Ассиріи. Вамъ-ли, отрицающимъ бури и грозы, отрицающимъ тем-

перамент и признающимъ лишь плаксивую осень организаціоннаго строительства, вамъ-ли уследить всѣ извилины, всѣ изгибы народнаго мозга и погрузиться въ какую-то абсолютную Нирванну познаванія самыхъ сокровенныхъ сторонъ того сфинкса, которому имя жизнь.

И, если это не удается вамъ, если вы видите, что весь ensemble историческихъ капризовъ раскрываетъ передъ вами, удивленными учеными, всю оригинальность своей психіи, свою полную неподатливость вашимъ теоріямъ, можете-ли рѣшать съ увѣренностью, которой могли бы позавидовать безполезные, никчемные Пфули, что вотъ именно въ данный моментъ пора бросить книги и трубить на бой? И будете-ли увѣрены, что тогда устами вашими заговоритъ богъ всевѣдѣнія, что и тогда не придется прибѣгнуть къ тѣмъ же отдѣльнымъ выстрѣламъ, безумнымъ схваткамъ, опаснымъ манифестаціямъ (понятно вооруженнымъ), чтобъ, проявляя все болѣе и болѣе энергіи, помочь скорѣйшему наступленію все рѣшающаго момента. Не придется-ли вамъ тогда, начиная ту работу, которую могли выполнить гораздо раньше, понять какіе вы были ослы, какіе чудовищные преступники передъ исторіей? Ждать, ждать — въ этомъ ваши Моисей и пророки. Но, навѣрно, дождетесь того, что свирѣпые витязи, славные народные герои не уступятъ вамъ красавицы революціи, бросятся въ ея объятія, отстранивъ васъ отъ нея.

Имъ, понятно, будетъ чуждъ вашъ кодексъ премудрости, они возсоздадутъ свой новый міръ, преисполненный гармоніи, гдѣ не будетъ мѣста заикающимся собратьямъ. Ихъ не напугаютъ колючіе шиповники на пути, ихъ не остановятъ никакіе кровавые призраки, ибо они знаютъ, что міръ усвоитъ пріемы борьбы только послѣ того, какъ полягутъ костьми нѣсколько отрядовъ и послѣ того, какъ жены и дѣти наши будутъ издавать убійственные стоны отъ перерѣзанныхъ на половину горлъ, и вездѣ будемъ зрѣть кровь, кровь и кровь. Уроки исторіи не словесны и, чтобы усвоить народу пріемы борьбы, надо заплатить за науку собственной кровью. Такова роль неудачныхъ схватокъ, сраженій. Здѣсь всякая попытка есть обязательная пытка.

Осторожные филантропы человѣчества, жрецы безкровныхъ революцій, приходящіе отъ образцовой дисциплины въ какой-то телячій восторгъ, умиляющіеся душой, складывающіе, какъ богомолки, набожно руки, возсылая молитвы горѣ, эти Маниловы, прожившіе вѣкъ и все время чаявшіе и теперь не потерявшіе этой охоты — райской жизни, садовъ съ порхающими мотыльками,

съ изящными березовыми мостиками, съ розами и фіалками, эти въ вопросахъ тактики невзрачные Нарциссы Тупорыловы, очень искренно начинаютъ пугаться и трепетно прижиматься къ мужественной реакціи, какъ только дамы просто пріятныя и пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ разскажутъ съ мелочностью провинціалокъ имъ, какой ужасный человѣкъ какой нибудь Ивановъ, Петровъ, не пощадившій ни одной угнетенной невинности, ни одной госпожи М***, ни одного Сержа, ни одного Жоржа, или даже менѣе воспитанныхъ, менѣе благородныхъ Губониныхъ, Разуваевыхъ, Колупаевыхъ и К°. „Ахъ, ужасно!“, говоритъ одна. „Вѣдь это наглость!“, вторитъ собесѣдница. „Какой позоръ!“, говоритъ третья. Наши революціонеры мало чѣмъ отличаются отъ этихъ безтолковыхъ сплетницъ захолустныхъ городовъ. Они имѣли глупость, скрѣпя сердце, согласиться на необходимость немедленнаго кровопусканія, они на вопросъ, задаваемый международной соціалдемократіей: „нужна-ли кровавая революція?“—уже отвѣтили: „да“, но... съ присущей трусамъ, когда надо, хитростью вписали въ контрактъ одно слово, которое позволитъ имъ теперь благородно ретироваться.

И вотъ надежды отечества — современные Бальи и Лафайеты, начинаютъ послѣ лицемѣрныхъ увѣщаній палить изъ пушекъ въ разошедшійся, не уважающій законность народъ. Но кто осмѣлится молвить слово противъ признаннаго героя свободы, современника и соратника Вашингтона и Франклина, кто сможетъ устоять передъ святостью взрослаго младенца, младенца въ парикѣ, на революцію продолжающаго смотрѣть съ точки зрѣнія распорядителя залъ для игры въ мячики. „Къ оружію, граждане! отечество погибаетъ, долой всю эту сволочь, чернь, которая мѣшаетъ нашему конституціонному древонасажденію“, скажетъ какой нибудь русскій Лафайетъ съ огромнымъ революціоннымъ прошлымъ, хорошо понимающій, что нельзя совмѣстить революціонный хаосъ съ спокойной дѣятельностью въ земскомъ соборѣ, и кто осмѣлится сказать что нибудь противъ исторической персоны, которая будетъ имѣть возможность „наши разногласія“ доказывать очень внушительными доводами изъ арсеналовъ Кавеньяковъ и Галлифэ.

Сердечному не нравится шипѣніе жертвы и корчи ея подъ ножомъ народныхъ медиковъ: это безумно, но. не имѣя возможности инымъ способомъ урезонить толпу, какъ не пушечными залпами, онъ, понятно, не отступитъ „во имя любви къ ближнимъ“, передъ столь оправдываемыми обстоятельствами насиліями надъ волей бѣснующейся массы. Скорѣе усмиряйте послѣднюю, ибо она не позволитъ спокойно обсуждать копеечныя реформы въ парламентѣ? Съ извѣстной вамъ ловкостью подбирайте факты,

когда народная масса рѣзала даже своихъ и всѣхъ, очень опѣшившихъ отъ грохота революціонной колесницы, господъ. „Вотъ вамъ! вотъ оно,“—скажутъ подымающіе трезвонъ изъ-за буржуазнаго сословія ребята: „Видите, — вотъ кровь Авеля! нельзя-съ; вотъ кровь Сирахова сына, позоръ!“

Всѣ эти скучные пасквилянты на революціонеровъ не понимаютъ, что чѣмъ больше погибнетъ деспотовъ и ихъ прихлебателей, тѣмъ болѣе очистится атмосфера отъ вредныхъ міазмовъ, что нѣтъ никакой опасности въ томъ, что возьмешь нотой выше, чѣмъ слѣдуетъ: лучше быть вполнѣ увѣреннымъ, что тутъ хватилъ черезъ край, вмѣсто того, чтобы все время опасаться, что, наоборотъ, не докончилъ дѣла. Кровь, капающая на землю, служитъ прекраснымъ удобреніемъ для нее, а кровь буржуевъ можетъ замѣнить въ этомъ отношеніи самый добрый навозъ. Пусть капаетъ она, ни одна капля не пропадетъ даромъ, все используетъ исторія. Но, если погибнетъ и наша кровь, если и она увлажитъ поле, изъ каждой капли ея выростетъ дерево, которое смотритъ на людей оловянными глазами мучениковъ и вторитъ міровой гармоніи приводящимъ людей въ сладкій трепетъ мелодичнымъ шелестомъ своихъ лепестковъ.

Въ этомъ заунывно-сладкомъ шелестѣ выльется весь тотъ міръ стоновъ и мукъ, которые гремѣли, которые слышались на театрѣ борьбы, когда борцы воспріяли славную смерть мужественныхъ защитниковъ русскаго народа. Но горе, если рука опустится не во время; вамъ никогда нельзя установить тотъ моментъ, когда надо омыть руки и вложить мечъ въ ножны свои.

Революція, будь она даже провозвѣстникомъ непосредственно за ней слѣдующей реакціи, все-таки будетъ такимъ пріобрѣтеніемъ для русской исторіи, что даже просто ради этой полноты послѣдней, стоитъ вызывать, поддерживать и разжигать взрывы народнаго негодованія. Революція, какъ ни какъ, поддерживаетъ въ народѣ, если только она выходитъ грандіозная, духъ протеста, дѣлаетъ его болѣе способнымъ отзываться достойнымъ образомъ на скорпіоны тирановъ. Это ослѣпительная струя восхитительныхъ огней, освѣщающихъ народу всѣ пути къ дальнѣйшему расцвѣту его силъ, это тотъ историческій стражъ, который блюдетъ народные интересы, это радуга для хижинъ и „мене, текель, фересъ“—для эксплуататоровъ и тунеядцевъ.

Пусть, кромѣ того, великіе люди 1789 года только забавлялись революціей, пусть они были лишь опьянены этимъ всѣхъ одурманивавшимъ опіумомъ, развѣ отъ этого историки съ меньшей охотой останавливаются на блестящихъ страницахъ французской исторіи конца XVIII вѣка. Если-бы даже, помимо всякихъ другихъ

соображеній, намъ импонировала революція лишь этой своей картинностью, эффектностью сценъ, пресыщала нашу жажду къ сильнымъ ощущеніямъ, развѣ отъ этого менѣе воспоминаній останется у разъ встряхнувшагося народа, развѣ славная эпоха не будетъ вѣчной притчей во языцѣхъ у всѣхъ болѣе или менѣе жизнерадостныхъ славныхъ молодцевъ. И когда великій пролетаріатъ Франціи оглашаетъ бульвары Парижа своими революціонными возгласами, то тѣни славныхъ героевъ прошлаго, незримо присутствующія тамъ, вдохновляютъ улицу. Въ эти моменты мертвые требуютъ съ живыхъ уплаты процентовъ съ того революціоннаго капитала, который оставленъ былъ ими въ наслѣдство вѣчно мятежнымъ парижанамъ. Такъ, значитъ, къ революціи! И ради этого я съ удовольствіемъ побратаюсь даже съ тѣми, которые соблазнятся пестротой, радужностью цвѣтовъ калейдоскопа и я принимаю за равноправный солидному девизу: „революція, какъ благо для народа, революція, какъ радикальная ликвидація современнаго строя“ и другой девизъ: — „революція, какъ революція, какъ поэзія, какъ пышный букетъ“, я принимаю, потому что, пока наступитъ царство свободы, народъ можетъ ожить, встрепенуться только въ революціонный моментъ, только тогда онъ можетъ замѣнить плачевные бурлацкіе напѣвы радостными сагами о славныхъ герояхъ, только въ такой моментъ онъ свободенъ, только въ такой моментъ у него есть интересы, только тогда онъ борется смѣло, а не служитъ вольнымъ и невольнымъ пушечнымъ мясомъ въ рукахъ Рейсовъ старшей и младшей линіи и только тогда онъ можетъ наѣсться вдоволь насчетъ „ограбленныхъ“ грабителей, утолить свой голодъ и жажду. Люди обыкновенно завидуютъ счастью народа; какъ-бы они не хотѣли сдѣлать себя искренними носителями правды, братства и свѣта въ убогія хижины простолюдина, имъ все-таки больно видѣть, что народъ разогнулъ свою спину, что какой нибудь битый сто и одинъ разъ пьяница-подмастерье имѣетъ наглость развалиться гдѣ-нибудь въ царскомъ павильонѣ, что какой-то замарашка, отъ котораго несетъ дегтемъ и водкой, можетъ ступать на азіатскіе ковры, шелкъ и атласъ, дотрагиваться своими грязными лапищами до хрусталя и фарфора и напяливать на вшивое тѣло шитые золотомъ и бархатомъ кафтаны. Во время революціи очень много среди „друзей“ народа столь искренно завидующей его счастью сволочи. Мимо ихъ, мимо этихъ ублюдковъ человѣчества, мимо нахальныхъ жрецовъ генеральской подкладки, лакеевъ „чистой публики“. Взывайте къ смѣлости, стократной смѣлости и революціонной ненасытности!

Паралитикамъ-же, мягкотѣлымъ слизнякамъ, людямъ съ рачьей

психологіей, трусишкамъ, страдающимъ раньше времени старческой немочью, нѣтъ больше мѣста въ исторіи, ибо адъ заговорилъ устами Искандера:

.....„Пора потребовать къ суду: республику, законодательство, представительство, всѣ понятія о гражданинѣ и его отношеніяхъ къ другимъ и государству....

....И кого, въ самомъ дѣлѣ, щадить? Всѣ элементы разрушающейся веси являются во всей жалкой нелѣпости, во всемъ отвратительномъ безуміи своемъ. — Что вы уважаете? *Народное* представительство, что ли?....

....Что выйдетъ изъ этой крови? Кто знаетъ — но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка, мѣшающій ему жить, мѣшающій водвориться будущему — и это прекрасно.... А потому: да здравствуетъ хаосъ и разрушеніе!

Vive la mort! И да водворится будущее.“